

Наталия Королева

Тест на графоманию

16+

Наталия Алексеевна Королева

Тест на графоманию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65068016

SelfPub; 2021

Аннотация

В сборник вошли рассказы и одноактные пьесы, написанные или доработанные в период пандемии и отчасти благодаря ей, но в основном – вопреки. Благодаря, потому что вынужденная самоизоляция предоставила автору время для учёбы в литературных мастерских, а вопреки, потому что истории, собранные под одной обложкой, вовсе не о коронавирусе. Они о нашей жизни и людях, которые, оказавшись в различных ситуациях – смешных, странных, порой непростых, – узнают нечто важное о себе и о других.

Содержание

Курортники	4
Сделка	11
Кручёная подача	17
Светлая голова	25
Льготный билет	28
Соседи	36
Мечта	39
Запеканка	47
Открытая дата	50
Детская болезнь	55
Автограф в клеёнчатой тетради	63
Тест на графоманию	77
Квест для директора школы	83
Скелет в шкафу	109
Плохая примета	112
Тёщин вечерок	115

Наталия Королева

Тест на графоманию

Курортники

До отправления фирменного поезда «Кисловодск-Москва» оставалось полчаса. Вилен Архипович вошёл в купе первым, разместил кожаный чемодан под своей полкой, уселся поближе к окну, надел очки и принялся просматривать свежую газету. Для своих шестидесяти пяти он выглядел стильно и бодро.

Через несколько минут в проём купе закатился большой розовый чемодан, вслед за ним появилась раскрасневшаяся молодая женщина. Поздоровавшись с Виленом Архиповичем, она поставила чемодан у столика, уверенным движением сложила его длинную ручку и быстро вышла в коридор.

– Платон! Сколько можно?! – сердито крикнула она кому-то. Спустя несколько мгновений в купе влетел мальчик лет шести. Он с разбегу запрыгнул на нижнюю полку и молниеносно оказался за столиком напротив Вилена Архиповича. Тот строго посмотрел на него поверх очков, тяжело вздохнул и вернулся к газете.

Женщина схватила сына за руку, стащила его с полки, убрала чемодан и, облегченно выдохнув, села. Платон взо-

брался на полку поближе к матери, крепко её обнял и запричитал:

– Мамочка-Ирочка, мамусечка, я тебя так люблю, так люблю!

– Отстань! Прекрати! Дядя подумает, что ты невоспитанный ребенок! – отстранила мальчика Ирина и виновато посмотрела на Вилену Архиповича.

Тот осуждающе взглянул на Платона, потом на часы, многозначительно кашлянул и вернулся к газете.

– Скоро уже отправимся, – виновато сказала Ирина.

– Ураааа! – закричал Платон, перебрался на четвереньках к двери купе и постучал указательным пальцем по защелке: – А что это, мам?

– Успокойся! Не трогай! Не расплатимся потом, – одёрнула его Ирина. – Как же с тобой тяжело!

– Современные дети. Откуда им взяться – нормальным? Куда идём... – едва сдерживая раздражение, произнёс Вилен Архипович.

– Вы отдыхали или по делам? – извиняющимся тоном поинтересовалась Ирина.

– В санатории был, – сдержанно ответил Вилен Архипович. – Одно название – санаторий.

– Три звезды? – сочувственно спросила Ирина.

– Написано, что пять, – Вилен Архипович кашлянул. – Но, как говорил Козьма Прутков «если на клетке слона прочитаешь надпись буйвол, то глазам своим не верь».

– Дядя, а кто такой буйвол? – поинтересовался Платон.

– Как тебе не стыдно? – вновь одёрнула его Ирина. – Видишь, взрослые беседуют. Посиди спокойно!

Она усадила сына рядом, дала ему планшет и вернулась к разговору:

– А мы в отеле жили. В центре города. Парк рядом. И, знаете, сервис неплохой.

– Вот вам, пожалуйста, чуждые нашему народу слова – отель, сервис, – проворчал Вилен Архипович. – Раньше в гостиницах селились, да коньяк армянский пили «Пять звёзд». И хорошо, и понятно. Теперь эти отели, звёзды, виски! Куда катимся!

Ирина смущённо промолчала.

Платон, пока взрослые обсуждали важные вопросы, заметил на стенке слева от двери металлическую табличку и, отложив планшет, направился к ней:

– Мам! А что здесь написано?

– Сам не можешь прочитать? – отмахнулась Ирина. – Как ты собираешься в школе учиться? Я что ли за тебя читать буду?

– Смотри, мам, там кто-то начёркал!

– Такой же плохой мальчик, как ты, – раздражённо сказала Ирина и потянулась за сыном: – сядь, кому говорят!

Платон соскользнул с полки и хотел было выскочить из купе, но в дверях уткнулся в живот невысокой худощавой женщины. Он мигом вернулся к матери и спрятался у неё за

спиной.

Женщина поздоровалась со всеми и скромно присела на полку Вилена Архиповича. Она аккуратно положила рядом с собой незатейливый багаж – целлофановый пакет, заполненный лишь до половины, поправила на коленях тёмную юбку, одернула рукава цветастой блузки, скользнула взглядом по купе и внимательно посмотрела на Платона, который с любопытством выглядывал из-за спины матери.

– Как тебя звать-то? – ласково спросила женщина.

– Платон, – куда-то в сторону ответил мальчик.

– Надо же! Такого имени не слыхала, – удивилась женщина. – А меня Надеждой зовут. Можешь называть меня тётя Надя.

Ирина приветливо кивнула:

– Ирина. Приятно познакомиться.

Вилен Архипович посмотрел на женщину, дежурно улыбнулся, представился и шумно перевернул газетный лист.

Платон выбрался из-за спины матери, сел рядом с ней, с интересом поглядывая на новую знакомую.

– А ты, видать, мальчик смышлёный. Вон глазки какие умненькие. И шустрый, как я погляжу: чуть меня не сшиб, – улыбаясь, сказала Платону Надежда.

– Извините, ради бога, – засуетилась Ирина.

– Да что вы, не волнуйтесь, это я так. Ему рост покою не даёт. И слава Богу, – успокоила её Надежда и вновь посмотрела на Платона: – Куда же вы с мамой едете?

– В Москву, – ответила за мальчика Ирина. – А вы?

– Сначала до Москвы, а потом дальше, – Надежда неопределённо махнула рукой.

– Тётя Надя, а у вас дети есть? – оживился Платон.

– Есть, а как же, – охотно ответила Надежда, – сынок.

– А он в школу ходит? – Платон соскочил с полки и возбуждённо запрыгал на месте.

Надежда рассмеялась:

– Нет. Он уже большой. Ему тридцать лет и четыре месяца.

– Ого! – Платон замер на месте. – А где он сейчас? На работе?

– В санатории. Я его сюда в Кисловодск привезла и быстро домой. Хозяйство у меня.

– А что, он сам не мог приехать? – удивился Платон.

– У него ножки больные, – всё с той же ласковой улыбкой ответила Надежда. – Не может он сам ездить.

– Ранение? – с понимающей тревогой в голосе спросил Вилен Архипович.

– Нет, – Надежда зашуршала пакетом, достала кулёк с шоколадными конфетами, раскрыла его и предложила: – Угощайтесь, пожалуйста.

Вилен Архипович, поблагодарив, отказался. Ирина тоже.

Платон с радостью взял две конфеты и продолжил расспрос:

– Он что ли упал?

– Родился такой, – спокойно объяснила Надежда, – ручки и головка хорошие, а ножки так не пошли.

– Как же вы его сюда привезли? – сочувственно спросила Ирина.

– У нас коляска хорошая, – Надежда достала из кулёчка конфету, покрутила её в руках, положила на колени. – Да своя ноша ведь не тянет. Муж на шахте погиб. Я одна с сыном осталась. Слава Богу – путевки бесплатные в санаторий дают и дорогу оплачивают.

– Представляю, что за санаторий, – не сдержался Вилен Архипович.

Надежда положила кулёк с конфетами на столик и улыбнулась Вилену Архиповичу:

– Ну что вы! Хороший санаторий. Еда вкусная. Мясное каждый день. Процедуры.

– Как же вам тяжело..., – задумчиво произнесла Ирина.

– Поначалу трудно было, – согласилась Надежда, – а потом привыкла. Да и грех нам жаловаться. Нас Господь миловал.

Она перекрестилась, немного помолчала, будто вспомнила о чём-то важном, и продолжила:

– В нашем в посёлке много больных ребяток. Только мой-то спокойный и умный. А вот у соседки моей горе настоящее. Она сына привязанным на кровати держит. Один раз отвязала, так он чуть дом не спалил, – Надежда покачала головой: – Нет, нам жаловаться грех. И в компьютере сынок

разбирается. Работает на нём. И ребята в гости заходят. И сам на крыльцо может выйти – руками от пола толкается и шаг за шагом, шаг за шагом. Да так ловко у него получается!

Надежда на мгновение замерла, покивала каким-то своим мыслям и тихо повторила:

– Нет, нам жаловаться грех.

Она задумчиво развернула конфету, откусила кусочек и, немного посмаковав, радостно улыбнулась:

– Вкусно! Сразу видно, что на курорте сделано.

Ирина прижала к себе Платона, поцеловала его в макушку и, уткнувшись в кудрявую шевелюру сына, заплакала. Вилен Архипович тяжело вздохнул, снял очки, нервно сложил газету и отвернулся к окну.

Поезд тихо тронулся.

Сделка

– Привет, соседи! – раздался из-за куста сирени голос, и вслед за ним появилась бабуся, возрастом перевалившая за семьдесят. Впереди семенила лохматая, вся в репейниках, дворняга.

– Милости просим! – радушно воскликнул Иван. К своему сорокалетию он выгодно купил дом в деревне и второй день вместе с женой и собакой наслаждался природой и умеренным физическим трудом. – С того берега оврага к нам?

– Угу, – неопределённо ответила бабуся. – Обживаетесь?

– Порядок наводим, – приветливо ответила Маша, выходя из террасы. За ней выбежал йоркширский терьер с бантиком на челке.

– Откуда будете? – спросила гостя, осматривая двор.

– Из Москвы, – отозвался Иван.

– Из Москвы... – протяжно прогудела бабуся, многозначительно кивнула и поинтересовалась: – Звать как?

– Иван и Мария, – охотно ответила Маша.

– А эту? – бабуся ткнула пальцем в сторону терьера.

– Юта, – Маша погладила собаку.

– Старая? – сочувственно спросила бабуся.

– Почему старая? – обиделась Маша. – Три года.

Бабуся перевела взгляд на Ивана:

– А лысая почему?

Иван потёр бритую голову:

– Тримминг-щипку сделали.

– Ощипали, значит. Зачем? – удивилась бабуся.

– Для красоты. И чтобы репейники не цеплялись, – неуверенно объяснила Маша.

– У нас на том берегу такие репейники бегают, – усмехнулась бабуся, – только успевай щенков в лес отвозить!

Маша схватила Юту, занесла её в дом и, быстро вернувшись, предложила:

– Может, чайку?

– Кофейку лучше, – хитро улыбнулась бабуся. – Видала, у вас кофемашина имеется.

– Что значит, видели? – Иван удивлённо взглянул на жену.

Толстые стёкла очков бабуся недобро сверкнули на солнце.

– Я, милые, высоко сижу, далеко гляжу, всё подмечаю: окна плохо помыты, на телевизоре пыль, по дому в исподнем шастаете. – Она сморщила нос и прогундела: – Да ещё кое-что.

– Послушайте, – Иван запнулся.

– Инесса Леопольдовна, – подсказала гостья.

– Окей, – с трудом сдержался Иван, – не знаю, как высоко вы сидите, и куда смотрите, но вы должны понимать, что подсматривать неприлично. Очевидно же!

– Очень видно! – обрадовалась бабуся. – Только я не подсматриваю, а рассматриваю. Вот гляжу, как ты траву штукой

этой мучаешь, – она показала на газонокосилку, – и сердце кровью обливается.

– Мы здесь на отдыхе, – пролепетала Маша.

– Ты, милая, отдыхай, – сжалилась бабуся и тут же строго добавила: – но помни – у нас в деревне всё как на ладони. Вы на этом берегу оврага отдыхаете, а мы на том наблюдаем.

Она сорвала сухой колосок, поковыряла в зубах и, прикусив его передними зубами, сообщила:

– Наш профиль – сглаз да порча.

Иван нервно рассмеялся:

– Да что вы, ей богу! Двадцать первый век на дворе!

Бабуся сплюнула колосок и миролюбиво сказала:

– Вам повезло, что мой дом супротив вашего. Со мной договориться можно.

Хозяева обменялись удивлёнными взглядами.

– Генетику бабка моя подпортила, – пояснила бабуся, – в гражданскую с красным командиром связалась, да мать в тридцатые добавила – в комсомол вступила. Не подумали они о будущем поколении, вот и маюсь со своей добротой.

Бабуся вдруг встрепенулась, глаза её вспыхнули, в голосе зазвучала угроза:

– Но если разозлить меня, так откуда только берётся сила колдовская, – она зыркнула на Ивана, – дореволюционная.

– Что это мы – разговоры, да расспросы, – испуганно засуетилась Маша. – Давайте всё-таки выпьем кофейку!

– Давай, милая! За кофием разговор лучше складывает-

ся, – мгновенно успокоившись, одобрила бабуся. – Ты, Вань, носи кофемашину-то. И молочка прихвати!

– В нашем деле главное меру соблюдать, – продолжила разговор бабуся, смачно похлёбывая кофе. – У нас на том краю живёт одна. Злющая! Ей что ни делай – бесполезно. А со мной договориться можно.

– Сколько? – спросил Иван всё ещё раздражённо, но уже по-деловому.

– Что сколько? – притворно удивилась бабуся.

– Рублей, конечно!

– Что ты! Какие рубли! – замахала бабуся руками.

– Доллары? Евро? Может, юани? – не сдержался Иван.

– Вы московские привыкли всё в деньгах мерить, – проворчала бабуся.

– Деньги – это всеобщий эквивалент! – хлопнул ладонью по столу Иван.

Бабуся вздрогнула и, не мигая, уставилась на него:

– Окромя денег и нет ничего стоящего?

– Например? – ответил Иван вопросом на вопрос.

Бабуся многозначительно помолчала и, хитро щурясь, прошептала:

– А молодость? А красота?

– В каком смысле? – насторожился Иван.

– В таком: Маня мне молодость и красоту отдаст, а я вам отдых без порчи и посторонних глаз обеспечу.

Маша нервно поперхнулась.

– Какая молодость? Какая красота? – заметался по терраске Иван. – Ей сорок, у неё седина, и она никогда не была красавицей!

Маша уткнулась лицом в парео и горько заплакала. Бабуся, снимая очки, ласково проурчала:

– Ты, Вань, спасибо скажи, что я вдовая, а то...

– А то что? – с вызовом спросил Иван.

– Твою мужскую силу запросила бы, – захихикала бабуся и, немного помолчав, решительно добавила: – Хотя, есть у меня племянник. Немолодой уже. Подумаю, пожалуй, насчёт твоей силы.

– Прекратите думать! – испугался Иван и придвинул к бабусе стул. – Мы же взрослые люди. Давайте рассмотрим варианты!

– Вот, Ваня, и ты понял, что рассматривать полезно! – радостно подхватила бабуся. – Эх, доброта моя безмерная!

Через час Иван выгрузил возле дома бабуся отступное: кофемашину, газонокосилку, мешок собачьего корма и телескопическую швабру. Выпроводив Ивана, бабуся включила ноутбук, разместила объявление о продаже газонокосилки и в интернет-магазине оформила заказ: «Бинокль ночного видения водонепроницаемый».

Иван, вернувшись домой, плотно зашторил окна и тоже опубликовал объявление: «Срочно и недорого продается дом в деревне Дружково. Хорошая экология и красивые ви-

ды гарантируются».

Кручёная подача

Ольга с минуты на минуту ждала прихода мужа. Часы показывали семь вечера – обычное время для его нормально-го возвращения с работы, в котором Ольга никогда не была уверена, но всякий раз надеялась. И в тот вечер тоже.

С балкона пятого этажа хрущёвки Ольга хорошо видела и слышала всё, что происходит во дворе. «Что-то дети сегодня очень возбуждены», – подумала она, стараясь не пропустить мужа. Ей нужно было непременно помахать ему рукой, вернуться на кухню, включить микроволновку и чайник, добежать до прихожей, поставить домашние тапочки перед дверью и открыть её. Она очень любила своего Андрея.

Он появился из-за угла ровно в семь. Ольга облегчённо вздохнула, помахала, увидела ответный взмах его руки и радостно побежала на кухню. Всё было сделано чётко и быстро: микроволновка зашелестела, чайник зашумел, тапочки выстроились в ожидании хозяина, дверь распахнула ему свои объятия. В нормальном состоянии Андрей пересекал двор и поднимался на пятый этаж минуты четыре.

Часы беспощадно отсчитали семь минут, и Ольга почувствовала признаки лёгкой тревоги. С каждым рывком секундной стрелки тревога угрожающе сгущалась и нарастала. Ольга не выдержала и выскочила на лестничную площадку.

Андрей, перешагивая через две ступеньки, стремительно

взлетел по лестнице и, увлекая за собой Ольгу, заскочил в квартиру.

– Вспомнил детство, называется, – сказал Андрей, весело смеясь. Он пнул ногой тапочки, быстро прошёл в гостиную и плюхнулся на диван.

Ольга ещё была в прихожей, когда раздался резкий звук дверного звонка.

– Стоять! Не открывать! – громким шёпотом остановил её Андрей.

В дверь опять позвонили. На этот раз более настойчиво. Ольга вопросительно посмотрела на Андрея. Он энергично замахал руками, показывая, что сейчас это прекратится, и открывать ни в коем случае не нужно. Звонok действительно замолчал.

– Пойду в душ, однако, – громко зевнув, сказал Андрей, – смою грехи молодости. А потом отметим моё чудесное спасение! Да, любовь моя?

Ольга поцеловала его влажную щёку и пошла за чистым полотенцем.

Когда в ванной зашумела вода, в дверь опять позвонили – долго и решительно. Ольга открыла и увидела девочку лет десяти с растрёпанными волосами и размазанными по багровым щекам грязными следами слёз. В ней Ольга едва узнала Зою – дочку соседки из первого подъезда. Соседка работала медсестрой в поликлинике, одна воспитывала троих детей. Зоя была у неё старшей.

– Что случилось, детка? – Ольга почувствовала, как у неё слабеют ноги. – Что-то с мамой?

– Вот, – Зоя протянула Ольге разломанную пополам ракетку для игры в большой теннис.

– Что это?

– Ваш муж, – зло ответила Зоя.

– Что мой муж? – Ольга почувствовала, как у неё внутри разбухает чёрно-синее облако тревоги.

– Он сказал, что покажет, как надо делать кручёную подачу, а сам... – у Зои перехватило горло и она просипела: – Знаете, сколько это стоит?

– Не нужно было разрешать ему, – сказала Ольга, понимая, что у девочки вряд ли был выбор.

Зоя словно прочитала мысли Ольги:

– Он не спрашивал. Взял и всё. Кто его просил показывать нам эту дурацкую подачу?!

– Чего же ты хочешь? – немного раздражённо спросила Ольга.

– Как чего? – возмущённо удивилась Зоя. – Пусть вернёт целую!

Ольга прекрасно понимала, о чём идёт речь, и от этого ей было невыносимо противно и стыдно, но она размеренно произнесла:

– Понимаешь, Зоя, как бы тебе объяснить... Не нужно перекладывать свою ответственность на других. Ты не смогла отстоять свою ракетку, и вот результат.

– Не моя это ракетка, как вы не поймёте! – почти шёпотом сказала Зоя. – У нас денег таких нет. Мне её Нина дала поиграть. А тут он. Сломал и убежал.

Ольга тоскливо подумала, что до зарплаты далеко, расходы все расписаны: одна только коммуналка обходится в копеечку, да ещё ипотека, да ещё долги...

– Возможно, дядя Андрей поступил неправильно, – смягчила тон Ольга, – так иногда случается. Но я ничем не могу тебе помочь. Се ля ви.

Зоя хотела что-то сказать, но шум в ванной затих, и Ольга рывком закрыла перед девочкой дверь.

– Ну что, Котя, ужинать? – с весёлой решительностью Андрей направился на кухню. – А почему не накрыто и не налито? Чем это ты тут занималась, пока я принимал водные процедуры?

– В окно засмотрелась, – задумчиво ответила Ольга, накрывая на стол. – Так что всё-таки произошло?

– Да ерунда. Детские шалости, – радостно засмеялся Андрей, – показывал мелочи пузатой, как правильно кручёную подачу делать. Я ведь в этом деле мастером был.

Он покрутил перед лицом Ольги ладонями и поцеловал сначала свою правую, а затем левую руку:

– Помнят ручки мои золотые! Всё помнят. И силушку богатырскую ещё не растратили.

– А убегал от кого?

– Да так. Я же говорю – вспомнил детство золотое, – от-

ветил Андрей, разливая в рюмки коньяк. – Тост: за детство, которое всегда с нами!

В дверь позвонили. Андрей напрягся и сделал Ольге знак «нас нет дома».

– Это соседка, наверное, – заторопилась Ольга. – Я обещала ей рецепт шарлотки.

– По телефону что ли нельзя было? – проворчал Андрей.

Багровый цвет лица Зои сменился на серый. Грязные разводы на щеках выглядели устрашающе. Ольге показалось, что девочка за эти полчаса сильно похудела и повзрослела.

– Я не могу идти домой, – с тихой злостью сказала Зоя.

Ольга вышла на лестничную площадку и осторожно закрыла за собой дверь.

– Зоя, детка, я же тебе объяснила, что ничем не могу помочь, – сочувственно произнесла она.

– Он же ваш муж. Значит, вы должны на него повлиять! – потребовала Зоя.

– Знаешь, жена за мужа не в ответе.

– Это сын за отца не в ответе. Нам в школе говорили. А жена за мужа очень даже в ответе! – с ненавистью сказала Зоя.

– Вас этому в школе учат? – удивилась Ольга.

– Это и так понятно! И как вам только не стыдно, что у вас муж такой раздолбай! – отрезала Зоя и принялась отчитывать Ольгу так, как обычно учителя отчитывают на собраниях родителей.

«Откуда она всё это знает? – грустно подумала Ольга. – Будто в педагогический транс вошла... И ведь права. Мне очень стыдно за Андрея, но у нас нет денег на дорогую ракетку».

На Ольгу навалилась усталость от чёрно-синей тревоги, поселившейся в ней почти сразу после свадьбы. Она подошла к перилам, облокотилась на них и посмотрела вниз. «Двоих детей я не потяну», – прозвучало где-то в сердце, и Ольга вдруг ясно осознала, что не решается родить ребенка именно потому, что Андрей раздолбай. От этой мысли Ольга очнулась. Она приложила указательный палец к своим губам и тихо сказала:

– Приходи завтра вечером, в семь тридцать. Я всё решу.

Зоя молча отдала Ольге изуродованную ракетку и убежала.

Андрей в гостиной, лёжа на диване, смотрел телевизор. Ольга положила ракетку ему на живот.

– Что это, милая? – фальшиво удивился Андрей, пряча обломки под диван.

– Сейчас же прекрати изображать из себя дурачка, – сквозь слёзы сказала Ольга.

– Котя, что случилось?

– Ты прекрасно понимаешь, о чём идет речь, – разозлилась Ольга.

– Что на тебя нашло? – Андрей пожал плечами и переключил канал. – Из-за какой-то хрени столько шума.

Ольга выхватила из руки Андрея пульт и швырнула его на балкон.

– Ты чего?! Совсем с катушек съехала?! – изумился Андрей. Он никогда не видел Ольгу в таком состоянии.

– Хрени?! Для тебя десятилетняя девочка, которая моет в больнице пол, чтобы матери помочь – хрень?! Может, её братья – хрень...?! Может, я тоже – хрень?! Такая как... – Ольга огляделась вокруг, – да какая разница! А что для тебя не хрень?! Застрял в своём золотом веке юного чемпиона, а он прошёл давно! Давно! Или... – Ольга на мгновение замолчала, – или ты мстишь? Завидуешь и мстишь?

– Что за х..., – Андрей осёкся, – кому?

– Детям, Зое, Вселенной! – закричала Ольга. – Ты же в своей жизни ни одного дерева не посадил, сына не родил, дом не построил!

– Я, между прочим, ипотеку выплачиваю, – прервал Ольгу Андрей, – за эту, между прочим, квартиру. В которой ты, между прочим, живёшь. А сыновей рожать, это, извините, твоё дело.

Ольга замерла. Она почувствовала, как чёрно-синее облако вырвалось наружу, пролилось горьким ливнем и растворилось.

– Значит так, – ровным уверенным голосом сказала Ольга, – завтра ты купишь новую ракетку и отдашь Зое. Она придет за ней в девятнадцать тридцать.

– Что значит – куплю и отдам?

– Это значит, что ты найдешь деньги, купишь ракетку и отдашь её девочке.

– Ну, ладно, Оль. Согласен – ракетку возместим. Только займись этим сама, – Андрей изобразил умоляющий взгляд, который обычно срабатывал, но по тяжёлому молчанию жены понял – их жизнь круто изменилась. Перед ним стояла сильная, уверенная в себе женщина. Это была Оля, но совершенно другая, незнакомая.

– А как же ты? – выдавил из себя Андрей.

– Это моё дело, – спокойно ответила Ольга.

– А как же мы? – растерянно пробормотал Андрей.

– Нас давно уже нет. Ты не заметил? До этой минуты был только Ты. Теперь появилась Я. И вряд ли из нас получится Мы.

Андрею стало страшно, он почувствовал себя той самой, разломанной на две части, ракеткой.

– Но что-то же можно сделать? – обессиленно спросил он.

– Думай, – холодно ответила Ольга, – кручёная подача даёт на это время. Ведь так?

На следующий день, ровно в девятнадцать тридцать в квартире Ольги и Андрея раздался звонок. Дверь открыл Андрей. В руках он держал новую ракетку.

Светлая голова

Ванька рос шустрым малым, всё время попадал в какие-то сомнительные истории, да и учился неважно – кое-как перебивался с двойки на тройку. Учителя видели, что парень не без способностей, но поделаться ничего не могли и терпеливо ожидали, когда он закончит восьмой класс, уйдет в ПТУ, или, что ещё лучше, начнёт работать. Главное, чтобы поскорее оставил школу в покое. Родители подумывали о том, как бы отдать Ваньку в суворовское училище – там наверняка его научат соблюдать дисциплину. Устали они от сына, что и говорить.

Пока взрослые терзались, как и куда направить Ванькину судьбу, он целыми днями пропадал где-то, появлялся в школе лишь изредка и только для того, чтобы о нём не забыли. Ванька знал, что тройки ему нарисуют, выпишут пропуск в большую жизнь, и поминай как звали.

В один прекрасный дождливый день Ванька отправился в школу. Может, потому что погода была нелётная, а может, деятельная натура Ваньки запросила разнообразия, но в тот день он в школу пошёл. Да ещё к первому уроку.

И надо так случиться, что оказался Ванька в гуще странных событий – стены школьных коридоров были увешаны географическими картами, газетами с фотографиями из журналов, заметками о путешествиях, кроссвордами и ре-

бусами. Возле них большими и малыми кучками толпились ученики. Они что-то громко обсуждали, азартно спорили и весело смеялись. Ванька, увидев возле газеты с огромным ребусом ребят из своего класса, решил пробраться к ним и разузнать, что же происходит. Какой-то пятиклассник вручил ему листовку с приглашением на заседание «Клуба юных путешественников». Ванька на всякий случай дал мальчишке лёгкий подзатыльник – пусть знает своё место – но листовку взял. Добравшись до своих, он потоптался у стенгазеты, послушал, о чём говорят ребята, и по звонку вместе с ними отправился в класс.

Урок математики вёл бородатый незнакомец. Ванька чутьем бродяги понял, что этот человек ведаёт о мире столько удивительного, чего ему – Ваньке – хватит на всю его бесшабашную жизнь. Бородач дал ребятам задание подсчитать, сколько времени понадобится путешественнику на то, чтобы обогнуть Земной шар, двигаясь по горным хребтам. Ваньке такая задача показалась странной, но, незаметно для себя, он занялся подсчётами и, к всеобщему удивлению, справился быстрее всех.

Незнакомец похвалил Ваньку и поставил в журнал пятёрку. Дневника, понятное дело, у Ваньки не было. Он схватил листовку Клуба юных путешественников, мгновенно оказался возле учительского стола и тихо попросил:

– Поставьте пятёрку здесь, пожалуйста.

После первого урока уходить из школы Ваньке почему-то

не захотелось. Потолкавшись у стенгазет на втором этаже, он побежал на урок. В класс он влетел со звонком и в дверях столкнулся с тем самым бородачом, что вёл урок математики.

– Проходи, светлая голова, – сказал бородач, потрепав ванькины белокурые вихры.

Ванька по обыкновению занял место «на Камчатке» и погрузился в мир удивительных историй об открытиях и путешествиях. Он не заметил, как пролетел урок, как он оказался на заседании Клуба юных путешественников, как, прибежав домой, достал с книжной полки Большую Советскую Энциклопедию и начал читать, читать, читать.

Через много лет доктор географических наук Иван Семёнович Кудряшов оказался в одной из школ небольшого городка, куда его пригласили, чтобы он рассказал о своей удивительной жизни. Уже прозвенел звонок на урок, уже учитель представил детям Ивана Семёновича, как вдруг в класс ворвался белокурый кудрявый мальчишка. Увидев незнакомого человека, мальчик замер на месте, изобразив лицом вину и раскаяние. Иван Семёнович улыбнулся и, потрепав непослушные вихры мальчишки, приветливо произнес:

– Проходи, светлая голова.

Льготный билет

Леонид Петрович много лет мечтал посетить выставку Сальвадора Дали.

В ноябре две тысячи одиннадцатого картины гениального испанца выставляли в Москве в Пушкинском музее, но Леонида Петровича как раз в это время отправили в длительную командировку на Дальний Восток.

Весной семнадцатого года Дали показывали в Питере. Леониду Петровичу опять не повезло – за несколько дней до поездки в северную столицу он сломал ногу.

И вот в конце января двадцатого года в Москву вновь свезли полотна странного гения. Ценители искусства, изрядно разбавленные снобами разных мастей, устремились в Манеж на выставку «Сальвадор Дали. Магическое искусство». Леонид Петрович купил себе и жене электронные билеты, красным фломастером отметил на календаре третье воскресенье февраля и погрузился в томительное ожидание.

Накануне похода на выставку жена Леонида Петровича почувствовала признаки простуды и предложила ему взять с собой её подругу Анну Фёдоровну. Леонид Петрович проворчал, что для замены больше подойдет его приятель Игорь Николаевич, но жена популярно объяснила:

– Билет у меня льготный, а на входе могут попросить социальную карту или паспорт. Поэтому брать нужно только

женщину и обязательно пенсионного возраста. Сам понимаешь, твой Игорь Николаевич не годится.

Леонид Петрович сделал ещё одну робкую попытку освободиться от нагрузки:

– Машенька, я могу посетить выставку самостоятельно. Мне компания, кроме твоей, не нужна.

– Дело не в компании, – не сдалась жена. – Конечно, триста пятьдесят рублей не такие уж большие деньги, но всё равно жалко, если билет пропадёт. Пусть Аня разделит с тобой радость общения с прекрасным. И ей приятно, и тебе веселей.

– Я даже не знаю, о чём с ней разговаривать, – ухватился за соломинку Леонид Петрович.

– За это не переживай, – уверила жена, – всё, что от тебя требуется – быть к ней повнимательнее.

В Москву ехали на электричке. Анна Фёдоровна всю дорогу рассказывала о своей культурной и личной жизни, которая оказалась весьма насыщенной. Леонид Петрович первое время слушал Анну Фёдоровну внимательно, зачем-то пытаясь запомнить названия стран и городов, где она побывала, отели, в которых она останавливалась, имена её попутчиков и названия блюд, но вскоре ему захотелось перейти в мерцающий режим. Анна Фёдоровна, однако, крепко держала руку на пульсе внимания Леонида Петровича: то и дело легко толкала его локтем в бок, листала перед его носом

фотографии на экране телефона и восклицала: «Представляете!». Леонид Петрович вздрагивал, изумлённо поднимал брови, качал головой и сдержанным мычанием разделял восторг Анны Фёдоровны.

Сорока минут на полное изложение впечатлений Анне Фёдоровне не хватило, и она продолжила свой доклад в метро. На эскалаторе Леонид Петрович предусмотрительно пропустил Анну Фёдоровну вперёд, чтобы она стояла к нему спиной. На беду, Анна Фёдоровна оказалась не только разговорчивой, но и очень гибкой.

– Рим огромный такой. Я все ноги стёрла, – весело пожаловалась она, повернув голову к Леониду Петровичу чуть ли не на сто восемьдесят градусов и немного вверх, – но шопинг всё компенсировал. У них такие распродажи! Скидки до девяносто процентов! Представляете!

«И остеохондроз тебя не берёт», – с раздражением подумал Леонид Петрович, изображая заинтересованную улыбку.

Очередь владельцев электронных билетов хвостом упиралась в гостиницу «Москва».

– Здесь часа на два. Очень хорошо! – обрадовалась Анна Фёдоровна. – Как раз успеем поделиться впечатлениями!

Она сделала селфи на фоне очереди и приступила к рассказу о своём вояже в Чехию.

«Да она чемпионка мира по рассказыванию...», – тоскливо подумал Леонид Петрович. Он вновь изобразил внимание

и попытался затеряться в мыслях о творческом пути Дали, но Анна Фёдоровна потеребила рукав его куртки и понеслась на крыльях памяти в Парижский музей д'Орсэ.

«Что б тебе!», – мысленно воскликнул Леонид Петрович, и ему показалось, что он произнёс это вслух.

– Безобразие! – тут же ворвался в тревожные мысли Леонида Петровича голос Анны Фёдоровны.

– Простите, ради бога, – смущённо пробормотал он.

– Как можно путать Моне и Мане! – возмущалась Анна Фёдоровна. – Согласитесь – это немыслимое невежество!

Леонид Петрович с интересом посмотрел на Анну Фёдоровну: «Неужели она разбирается в импрессионизме?».

– Википедия чёрным по белому написала: это Моне, а это – Мане, – не унималась Анна Фёдоровна. – Я даже фотографии их сравнила. Мане похож на Маркса, а Моне – вылитый Дарвин. Только у Дравина борода клинышком, а у Моне – лопатой.

«Чудес не бывает», – грустно констатировал Леонид Петрович и перевёл взгляд на Гранёную башню Кремля. Ему показалось, что из окошка смотровой вышки машут Моне и Мане. Или Дарвин с Марксом. Впрочем, в этом он не успел разобраться, потому что Анна Фёдоровна начала икать.

Икала она громко, с небольшими перерывами, пытаясь заполнять их впечатлениями от поездки в Кисловодск. «Может, её напугать чем-нибудь, – подумал Леонид Петрович. – В детстве мне помогало».

Анна Фёдоровна глубоко вдохнула, потом шумно выдохнула и, прислушиваясь к себе, продолжила:

– Вы не представляете, как хорошо обустроены Медовые водопады!

Слово «водопады» она произнесла на глубоком судорожном вдохе и громко икнула. «А может, пусть ещё поикает», – злобно подумал Леонид Петрович, но тут же устыдился своей мысли и побежал в торговый центр за водой.

Кисловодский нарзан немного облегчил страдания Анны Фёдоровны, но икота так её измотала, что Леонид Петрович сжалился над ней и повёл в «Охотный ряд». Макдональдс был переполнен любителями фастфуда, и Леониду Петровичу пришлось разместить Анну Фёдорову в кафе. Он купил ей чай с облепихой и пирожное, а сам вернулся в очередь.

Когда до входа в выставочный зал оставалось совсем немного, Леонид Петрович побежал за Анной Фёдоровной. Она выглядела энергичной и весёлой.

Манеж возбуждённо гудел. Леонид Петрович с наслаждением погрузился в тёплый полумрак выставочного зала и приготовился раствориться в многослойной атмосфере изысканных фантазий художника. Он уже начал растворяться, но Анна Фёдоровна, привычно дёрнув его за рукав, попросила:

– Сфотографируйте меня, пожалуйста, на фоне вон той картины – у неё народу вроде поменьше.

Леонид Петрович послушно исполнил просьбу и вернул-

ся к полотну, от которого отвлекла его Анна Фёдоровна. Не успел он охватить взглядом картину, как перед ним возник экран мобильного телефона. Экран сфотографировал произведение искусства и сказал голосом Анны Фёдоровны:

– В Инстаграм выложу. Порадую подружек.

Пока в первом зале Леонид Петрович проникался ранним творчеством Дали, Анна Фёдоровна, лавируя между себе подобными, успела несколько раз пробежаться вдоль стен, сфотографировать картины с разных точек, сделать селфи и показать Леониду Петровичу фотографии.

Во втором зале Анне Фёдоровне отдавили ногу. Какой-то очень большой любитель Дали не заметил миниатюрную Анну Фёдоровну, когда она мостилась у картины, чтобы сделать очередной автопортрет на её фоне. Любитель пошёл дальше. Анна Фёдоровна, жалобно причитая, замерла на одной ноге в ожидании Леонида Петровича.

Обхватив хромающую Анну Фёдоровну за талию, Леонид Петрович провел её через залы сюрреализма и поздних работ Дали в зону отдыха, усадил на диван в форме ярко-красных губ и облегчённо вздохнул. Вернувшись в зал сюрреализма, он быстро настроился на восприятие явных и скрытых смыслов живописных полотен, но в кармане пиджака завибрировал телефон.

– Ты чего Анну не уберег? – строго спросила жена.

– Родная моя, я не нанимался её беречь. Я обещал быть к ней внимательным, – раздражённо ответил Леонид Петро-

вич.

– Аня хочет домой, – решительно сказала жена, – и её можно понять.

– Она хорошо устроилась на красивом диванчике, – не сдавался Леонид Петрович. – Ей тепло, светло...

– Лёня, я тебя очень прошу, – в голосе жены зазвучали металлические нотки, – вези Аню домой. У неё нога опухла.

– Странно, что язык у неё до сих пор не опух, – не сдержался Леонид Петрович.

– Леонид, прекрати истерику, – подавила бунт жена.

Леонид Петрович спрятал телефон и на мгновение задержался у полотна «Мягкий автопортрет с жареным беконом». Картина показалась ему чересчур мрачной, а стекающая с пьедестала кожа маэстро похожей на язык Анны Фёдоровны.

В гардеробе Анна Фёдоровна сокрушалась, что ей не удалось посмотреть все картины. Леонид Петрович за тысячу рублей купил каталог выставки и подарил его Анне Фёдоровне в утешение и на память о поездке.

Домой ехали на такси. Под размеренное журчание Анны Фёдоровны о её визите в Дрезден Леонид Петрович тоскливо думал, что иногда льготные билеты обходятся очень дорого.

– Как ваша нога? – поинтересовался Леонид Петрович, помогая Анне Фёдоровне выйти из такси.

– Чудеса! – весело ответила Анна Фёдоровна, – Исцелилась! Видимо, Дали не мой художник, но вам всё равно боль-

шее спасибо за чудесную компанию!

Леонид Петрович неопределенно хмыкнул, учтиво попрощался и сел в такси.

Вечером, когда жена уснула, он купил себе билет на восемнадцатое марта и, вдохновлённый вновь вспыхнувшей надеждой на встречу с прекрасным, улёгся спать.

Семнадцатого марта выставку «Сальвадор Дали. Магическое искусство» закрыли в связи с пандемией коронавируса.

Соседи

Каждый день после обеда, уложив детей спать, Даша бегала по Новым Черёмушкам в надежде купить еды. Полки магазинов образца девяностых пустовали, и рассчитывать приходилось только на везение. Муж рано утром уезжал на службу, возвращался поздно вечером, и Даша целый день проводила с детьми одна. Выбегая в магазин, она оставляла дома двухлетнего Колю и годовалую Варю на свой страх и риск. Хозяйка съёмной однушки поставила жильцам условие: ни с кем из соседей не общаться. Опасалась, что они расскажут про её маленький бизнес кому надо.

В тот день Даша как обычно уложила детей, убедилась, что оба заснули, и быстро переоделась. Ей оставалось только завязать шнурки на кроссовках, когда в дверь позвонили.

В глазок она увидела огромного бритоголового парня – одного из квартирантов соседней трёшки. Даша в ужасе замерла. Компания высоких широкоплечих, бритых наголо молодцев во главе с маленьким шуплым длинноволосым парнем вызывала у Даши смутную тревогу с тех пор, когда она впервые увидела их возле подъезда. Каждое утро часов в одиннадцать они уезжали на чёрном мерседесе и возвращались домой вечером. Иногда пропадали на несколько дней. Вели они себя тихо, но Даша понимала, что ребята эти непростые.

Парень позвонил ещё раз и посмотрел в глазок. Ноги Даши стали ватными, голова словно отделилась от тела, руки превратились в дрожащее желе. Она усилием воли удержала себя у двери, понимая, что отрываться от глазка нельзя – парень увидит свет в квартире и поймёт, что дома кто-то есть.

Сосед сделал шаг назад, посмотрел на часы, позвонил ещё раз, немного подождал и ушёл. Даша медленно опустилась на пол, перевела дух, осторожно встала, на всякий случай посмотрела в глазок, убедилась, что лестничная клетка пуста, выключила свет и побежала в комнату. Проверив, не проснулись ли дети, она схватила лейкопластырь, вернулась в прихожую, залепила глазок и, немного успокоившись, стала ждать. Она очень надеялась, что сосед не вернётся.

Через несколько минут звонок всё-таки раздался. Даша аккуратно приподняла лейкопластырь и увидела бритоголового. Он потоптался у двери и, как показалось Даше, собрался уходить. Она облегчённо выдохнула, но тут в прихожей появился Коля и заплакал. Он плакал так громко, что Даша поняла – им пришел конец.

Парень, услышав плач, вернулся и решительно позвонил. Даша схватила Колю, отнесла его на кухню, дала ему сухарик, побежала в комнату, бросила в коробку с игрушками одеяло, положила в неё сонную Варю и перенесла на кухню. Она перекрыла газ, отключила воду и позвонила в милицию. Стараясь казаться спокойной, чтобы не пугать малышей, Даша сообщила дежурной, что её сейчас убьёт бандит, и что

она умоляет спасти детей.

Плотно закрыв за собой дверь на кухню, Даша забаррикадировала её тумбочкой и, зажав в руке игрушечный пистолет, который непонятно как очутился в её руке, пошла к входной двери.

– Кто там? – громко спросила Даша и отважно посмотрела в глазок.

– Извините, пожалуйста, девушка! – густым баритоном сказал бритоголовый. – Можно я у вас ключ от квартиры оставлю? Наши вечером вернутся и заберут. Если вас не затруднит, конечно.

Даша сделала глубокий вдох, распахнула дверь и, наставив на парня пистолет, на выдохе спросила:

– Вечером – это во сколько?

– Не позже восьми, – ответил сосед, растерянно глядя на пистолет.

– Имейте в виду – в девять я укладываю детей спать, – строго сказала Даша, размахивая пистолетом перед носом соседа.

– Принято, – кивнул сосед, указательным пальцем аккуратно отвёл дуло от своего лица и протянул Даше брелок с ключом.

– И чтобы без опоздания! – сказала Даша, взяла ключ, хлопнула дверь и пошла освобождать детей.

Милиция так и не приехала.

Мечта

Семён аккуратно извлёк из середины журнала разворот с большой фотографией, бережно поместил его в рамку и повесил над кроватью. Сделав несколько шагов назад, он внимательно посмотрел на своё творение, отошёл сначала к окну, затем к двери, и, убедившись, что изображение из любой точки комнаты смотрится хорошо, сел на стул напротив фотографии и замер в священном трепете.

Неожиданно в комнату ворвался Митя.

– Ух ты! – воскликнул он, увидев на стене фотографию, – вот это я понимаю! Вот это красавица!

В свои пятнадцать Митя знал толк в красоте.

– А корпус какой... – восхищённо всхлипнул Семён.

– Новая модель? – уточнил Митя.

– Ага. До ста двадцати разгоняется, – нараспев ответил Семён.

– При вертикальной посадке? – спросил Митя на всякий случай.

– Ага, – Семён довольно кивнул.

Митя одобрительно свистнул, но потом не удержался и съязвил:

– Не то, что твой «Дед».

Семён, не отрывая взгляда от фотографии, усмехнулся:

– Небось, не дождёшься, когда в армию уйду.

Митя промолчал. Сделал вид, что не понял, о чём идет речь.

– Через два месяца меня проводите, и забирай «Деда» себе, – миролюбиво сказал Семён. – Да смотри – не разбей. И сам не убейся.

Семён любил свой старенький мопед, но мечтал о настоящем мотоцикле по имени «Ява» и по фамилии «350/638». Иллюзий на сей счёт Семён не питал: мотоцикл появился в Советском Союзе меньше года назад, в восемьдесят четвертом, цена для простых людей типа Семёна была заоблачной, да и продавались эти красавицы только в больших городах.

Он забрался на кровать, нежно провёл указательным пальцем по красно-черному силуэту Явы и проворковал:

– Красавица ты моя... хоть бы разок прокатиться...

– Ну ты, брат, размечтался, – вернул его на землю Митя. – Попроси агронома – он тебя на своём «Урале» прокатит. Хошь в коляске, хошь за спиной. А может, и порулить даст.

– Эх, Митька, не понимаешь ты, – Семён упал в подушки и глубокомысленно произнёс: – четыре колеса везут тело, а два колеса – душу...

– Так «Урал», вроде, на трёх колесах, – усомнился Митя. – Он душу везёт или тело?

– Тело, конечно, – махнул рукой Семён. – Я же тебе толкую: душу два колеса везут.

– Ух ты! – удивился Митя. – Мою душу, значит, велик

возит, а твою – «Дед»? Дедовщина какая-то получается.

– Иди отсюда, – рассердился Семён, вскочил с кровати и швырнул в Митю подушку.

Митя увернулся и, разогнавшись, запрыгнул брату на спину. Семён закружил на месте, пытаясь освободиться от цепких Митиных объятий.

За окном послышался нарастающий рёв мотора. Семён замер, стряхнул Митю на кровать и прислушался. Он знал голоса всей колхозной техники: тракторов, грузовиков, председательской «Волги», мотоцикла с коляской главного агронома и даже мопедов из окрестных деревень. Звук, который приближался к дому, чуткому уху Семёна был совершенно незнаком.

Братья выбежали за калитку и застыли в изумлении: по деревне мчался красный мотоцикл – точь-в-точь как на фотографии. На мотоцикле гордо восседал смуглый кудрявый парень в красной рубашке и чёрном жилете. Промелькнув перед Семёном и Митей, мотоцикл исчез в пыльном облаке. Братья, остолбенев, ещё некоторое время смотрели вслед чудесному видению, а когда шум мотора затих, побежали в сарай.

Быстро выкатив мопед, Семён запрыгнул в седло, Митя уселся на багажник. «Дед» крякнул, затарахтел, сдвинулся с места и поехал так быстро, как позволяли его тщедушные лошадиные силы. Семёну казалось, что они едут по селу целую вечность.

Наконец добрались до околицы. На большой лужайке, метрах в пятидесяти от крайних домов, обустроивался цыганский табор. Среди лошадей, запряжённых в кибитки, Семён сразу увидел тот самый мотоцикл. Молодой цыган заботливо очищал его красно-чёрные бока от деревенской пыли.

Семён и Митя с детства боялись цыган. Бабушка частенько пугала братьев: «Будете себя плохо вести, отдам вас цыганам!». На поведение мальчишек эта угроза не влияла, но страх в душе укоренился. Истории о цыганских кознях, ходившие по селу, подливали масла в огонь детских страхов. Семён чему-то верил, в чём-то сомневался, но, когда по телевизору показывали выступления цыганских ансамблей, на всякий случай уходил из дома – опасался, что через экран цыгане его загипнотизируют. Живых цыган, да ещё так близко, Семён видел впервые.

– Ну-ка, Митька, придержи «Деда», – велел он брату.

– Ты чего удумал? – обеспокоенно спросил Митя.

– Такой шанс раз в жизни выпадает, – ответил Семён. – Я загадал: если прокачусь сегодня на этом мотоцикле, то всё у меня сложится – и служба, и вся жизнь вообще. А ты домой езжай. Если через два часа не вернусь, «Деда» забирай, а матери скажи, что не успел я сарайку в порядок привести. Пусть не обижается. А ты доверши начатое, Митяй.

Братья обнялись, и Семён направился к табору.

Табор встретил его приветливо. Старый цыган, в котором

Семён распознал главного, предупредил, что гаданием женщины его рода не занимаются, и спросил, с чем пожаловал гость.

Семён постеснялся сразу сказать, зачем пришёл, и решил начать издалека. Восхищённо поглядывая на мотоцикл, он рассказал о том, что в колхозе всегда рады приезжим, что селяне интересуются жизнью цыганского народа, а его лично давно мучает вопрос – есть ли у цыган прописка.

Старый цыган одобрительно потрепал Семёна по плечу и сказал, что они готовы выступить перед колхозниками, ответить на все вопросы и, если надо, спеть и станцевать.

Не ожидая такого поворота, Семён, однако, быстро сообразил, что этим грех не воспользоваться. Он предложил съездить с кем-нибудь из табора в правление и договориться о встрече цыган с колхозниками. Конечно, лучше, если с ним поедет старший, а Семён, со своей стороны, готов отвезти его на мотоцикле – он выразительно посмотрел на Яву – туда и обратно. Старший цыган сослался на неотложные дела по обустройству табора и пообещал подъехать к председателю на следующий день.

Семён решил действовать напрямую, но как только он подошёл к молодому цыгану, смелость его мгновенно испарилась.

– Слушай, – ухватившись за руль, смущённо начал Семён, – тут такое дело...

Цыган удивлённо поднял брови.

– Я давно мечтаю, – промямлил Семён, – мечтаю...

– О чём, друг? – цыган облокотился на руль и внимательно посмотрел в глаза Семёну.

«Гипнотизирует», – тревожно подумал Семён, задержал дыхание и выпалил:

– Узнать, есть ли у вас прописка.

– Ну ты даёшь! – рассмеялся цыган. – Кто ж нам без прописки талоны на масло и колбасу даст!

– Значит, есть, – грустно сказал Семён.

– И паспорта есть, и прописка! – весело сказал цыган.

Семён побрел в село. Всю дорогу он сокрушался о своих пустых хлопотах и думал о том, что за цыганскую самодеятельность получит от председателя «на озимые».

Вернувшись домой, Семён немного успокоился и, усевшись на скамейке, принялся разрабатывать более надёжный план: вечером, когда стемнеет, пробраться к табору, тихо откатить мотоцикл на безопасное расстояние, проехать на нём километров десять – не больше – и вернуть на место. «Главное – успеть прокатиться до полуночи», – загадал Семён, закрыл глаза и задремал.

Ему приснилось, что красавец-цыган под звуки милицейской сирены заводит во двор мотоцикл и отдает его Семёну – дескать, негоже цыганам на мотоциклах разъезжать, кони – вот цыганский удел и цыганское счастье, а если вдруг нужно будет что-нибудь срочное, так ведь Семён не откажет, доста-

вит куда надо. «Доставишь?» – спрашивает молодой цыган. «Конечно, друг!» – отвечает Семён и дрожит от нетерпения.

– Так доставишь? – разбудил Семёна громкий голос.

Он открыл глаза и увидел перед собой того самого молодого цыгана.

– Поможешь, брат? – встряхнул цыган Семёна. Тот, не понимая в чём дело, ухватился за край скамейки, испуганно заморгал и прохрипел:

– Что случилось?

– Матери плохо стало. Скорую вызвали, – взволнованно протараторил цыган, – отец с ней поехал, а я дороги не знаю. Доставишь?

Они мчались по просёлочной дороге, подпрыгивая на колдобинах и объезжая глубокие ямки. Временами Ява взбрыкивала, словно лошадь под чужаком. «Всю душу вытрясет, пока до райцентра доберёмся, – с досадой думал Семён, впинаясь пальцами в руль. – Лучше бы на «Деда» сели».

Когда выехали на грунтовку, Ява успокоилась, пошла ровнее, увереннее. Семён прибавил скорости, и они полетели, рассекая волны теплого июльского воздуха. Впервые в жизни Семён почувствовал себя единым целым с мотоциклом: руль был словно продолжением его рук, а руки – продолжением руля. Он полностью доверился Яве, а она поверила ему.

Из больницы вышли рано утром. Матери цыгана стало легче, но её оставили на несколько дней под присмотром вра-

чей, отцу разрешили побыть с ней до вечера.

– Поехали, брат! – позвал цыган, запуская двигатель.

– Поехали! – радостно откликнулся Семён. Теперь он знал точно: всё у него сложится – и служба, и жизнь вообще.

Запеканка

Елена вошла в квартиру, устало присела на пуфик, стянула ботильон с правой ноги и принялась за левый, когда из гостиной появился Борис. Он опустился перед Еленой на корточки и обхватил крепкой молодой ладонью её левую лодыжку:

– Ну что?

В ответ она нежно потрепала его кудри:

– Как мой Бося время коротал?

– Понятно. Значит, плохо, – вздохнул Борис, снимая ботильон с изящной ноги Елены. – По телеку слышал, госаппарат сокращать начали.

Он легко поднялся, поставил ботильоны на полку и протянул Елене руки. Она радостно откликнулась на приглашение, вспорхнула с пуфика и устремилась к поцелую:

– Может, пронесёт, и меня не автоматизируют. Поймут, что я самая незаменимая из всех незаменимых.

Борис чмокнул Елену в губы и, медленно высвобождая пуговицы из петель её плаща, соблазняяще зашептал:

– Конечно, зая. Но этим вопросом нужно заниматься. Петрова уже все ресурсы подключила.

Игриво поправив волосы, Елена защекотала длинными ухоженными ногтями упругий торс Бориса:

– Что нам Петрова! Даже если...

– Никаких если, – прервал Елену Борис, разводя её руки в стороны.

Она замерла на мгновение, встрепенулась и, сбросив плащ, весело продолжила:

– А что – пойду бухгалтером. В детский сад. Рядом с домом, рабочий день и отпуск как у людей, питание диетическое.

– Зарплата тоже диетическая? – съязвил Борис.

– Фи, Бося! Не в деньгах счастье! – Елена всем телом прижалась к Борису.

– Ясное дело – в их количестве, – хмыкнул Борис.

– Буду в клювике приносить тебе запеканку. Ужас как любила в садике.

– Я так понимаю, что твой предел мечтаний устремился к запеканке? – холодно спросил Борис.

Елена удивлённо посмотрела ему в глаза:

– Ты что, Боря?

– Лично я больше любил сникерсы, – зло ответил Борис, – и запивал их Колой. А ты чем свою запеканку?

– Компотом из сухофруктов, – промямлила Елена, – и киселём...

– Вкусно было?

– Вкусно...

– Вот и отлично! О вкусах, как известно, не спорят. Ты, если хочешь, лети в свое прекрасное детство, а у меня вся жизнь впереди. Чемодан верну, не переживай.

Елена беспомощно присела на пуфик.

Открытая дата

На девятый день, как положено, пришли на кладбище. Цветы на венках уже обмякли, земля подсохла, хлеб с гранёного стаканчика исчез, а водка то ли испарилась, то ли выпил кто-то. Анна поправила на венках ленточки, молча постояла у могилы и принялась раскладывать на маленьком столике поминальную снедь. Тоска по мужу ещё не улеглась – девять дней не срок.

– Ушёл братец, и у сестрицы старшей не спросился, – запричитала у могилы золовка Анны Татьяна, – на кого же ты меня покинул, сиротой оставил! Как же буду я теперь одна-одинёшенька век свой горький доживать без тебя, братец дорогой!

Татьяне недавно исполнилось семьдесят пять лет, у неё были дети и внуки, поэтому её причитания о сиротстве никого не тронули. К тому же Татьяна много лет занималась в Ансамбле народной песни местного Дома культуры, и в её рыданиях чувствовался профессионализм.

Отработав ритуал, Татьяна поправила платок, промокнула набевашшую от ветра слезу и присоединилась к Анне.

– Я что решила, – сказала Татьяна, – меня полбжите рядом с матушкой.

– Как это? – удивилась Анна. – Это, вроде, моё место. Ты вон к своему ближе ложись, а я к своему.

– Мне мой при жизни нервы трепал, что ж я буду с ним вечно маяться? Я лучше к матушке. Оно надёжнее.

– А меня куда ж? – Анна начала испытывать смутную тревогу.

– Не переживай, Нюра. Ляжешь прямо под боком у своего ненаглядного. Видишь – могилка слева от Петра. Я её давно для тебя присмотрела. Вот все рядком и упокоимся: ты, Пётр, матушка и я.

– Так то ж чужая могила, – растерялась Анна. – И участок чужой, и оградки разные.

– Не следит за ней никто. Вишь, заросла, да оградка облупилась. А из-за оградки вовсе не переживай: на том свете она не помеха, – подвела черту Татьяна.

– А вдруг там мужчина лежит, – с надеждой сказала Анна. – Как я с чужим мужиком-то лягу?

– Ну ты, Нюрка, даёшь, – рассмеялась Татьяна, – тебе уже семьдесят стукнуло, а ты про всякие глупости!

Услышав смех Татьяны, Анна с облегчением подумала, что золовка шутит. Татьяна любила дразнить Анну. Ей нравилось, как та терялась, краснела и не находила нужных слов. Она всю жизнь пользовалась своим неписанным правом старшей сестры – говорила брату и невестке, что хотела, и делала то, что считала нужным. Анна с ней никогда не спорила – переплачет обиду и забудет. Родня всё-таки. В этот раз Анна плакать не стала. Хоть и не к месту и не ко времени шутка Татьяны была, но жизнь-то продолжалась.

Когда все собрались на кладбище на сороковой день, Анна поняла, что Татьяна не шутила. Могилка незнакомого соседа была расчищена, оградка выкрашена, а на калитку повешен замок.

– Смотри, какую красоту для тебя навела, – гордо сказала Татьяна и, придав голосу немного умиления, добавила: – Будете с Петром рядышком лежать веки вечные. Как в первую брачную ночь.

Вернувшись с кладбища, Анна дала волю слезам. Она плакала об ушедшем муже, о том, что всю их долгую жизнь Татьяна встревала между ними, а он терпел. Он многим был обязан сестре, и Анна это понимала. И тоже терпела. Она плакала о том, что даже сейчас Татьяна может вот так запросто задвинуть её, поместить за чужую оградку, пребывая в полной уверенности, что так и должно быть.

Выплакав слёзы обиды, Анна уснула.

На следующий день она встала на удивление бодрой и решительной. Впервые в жизни Анна почувствовала, что готова бороться. Правда, пока не знала, как.

Для начала она решила позавтракать.

«Может, занять место первой? – подумала она, помешивая в маленьком ковшике овсяную кашу. – Наложу на себя руки, лягу поближе к Петру, а Танька потом пускай сама к тому мужику пристраивается!».

От этой мысли ей стало сначала смешно, а потом страшно: «Такой грех на душу брать нельзя. Ни за что. Жить буду

столько, сколько Бог даст».

Каша запузырилась, забулькала крохотными гейзерами.

«Или завещать, чтобы ещё одним этажом меня к Петру подзахоронили?», – Анна повозила в ковшике деревянной лопаткой. Пузырьки исчезли.

«Да нет... там и без того три жильца – один над другим», – она машинально повернула ручку на плите. Огонь весело забился в дно ковшика. Анна ухватила ковшик полотенцем, быстро переставила на другую конфорку и, замороженно глядя на сине-розовый полупрозрачный огонь, вдруг вспомнила, как несколько лет назад она ездила в Москву на похороны троюродного брата.

«А если кремироваться? С урной я много места не займу, – подумала Анна, но тут же усомнилась: – А вдруг Танька не захочет меня к Петру подкладывать... С неё станется».

Она выключила газ, переложила кашу в тарелку, поставила ковшик в раковину, села за стол. Ложкой зачерпнула вязкую овсянку, подула на неё, машинально стряхнула на тарелку и погрузилась в размышления:

«Да и не по-христиански это – в огне гореть. В Москве-то земли на всех не хватает, там деваться некуда. Вон кладбище Кунцевское, где брата схоронили, ведь и так народу там покоится видимо-невидимо, а сколько еще прибудет... куда ж их всех девать? И народ ведь там какой – артисты, генералы, начальники разные. Памятники – один лучше другого. Что значит – учёные люди: всё умеют продумать...».

И тут её словно озарило. Облегченно вздохнув, она принялась за кашу.

Через год родственники вновь собрались на кладбище помянуть Петра. Участок украшал широкий памятник с портретами, высеченными в ряд: Пётр, его мать и Анна. Каждый над своим последним пристанищем. Анна на портрете держала в руках чашку и сияла счастливой улыбкой, будто приглашая всех на чаепитие. Под фотографией была высечена только дата её рождения.

Детская болезнь

Мать позвонила как обычно – ровно в полдень.

– Чем занимаешься? – строго спросила она Ингу.

– Собираюсь на концерт.

– Опять на Доку своего?

– Мам, зачем спрашиваешь? – Инга посмотрела в окно.

Снег медленно пролетал мимо и тихо падал на голые ветки большого клёна.

– Всё надеюсь, что придешь в себя. Надежда умирает последней, – мать чихнула, шумно высморкалась и добавила: – Правду говорю.

Инга промолчала.

– Тебе под шестьдесят, а ведёшь себя как подросток! – не дождавшись ответа, взорвалась мать.

– Мам, во-первых, мне пятьдесят пять, – прервала её Инга, – а во-вторых, ты сама призывала быть молодой душой. Я всего лишь исполняю твои предписания.

– Дочечка, – в голосе матери зазвучали нотки сарказма, – мама учила тебя сохранять молодость души, а ты в детство впала. Совсем свихнулась с этим фан-клубом!

– Ой, мам, что-то со связью! – решила прекратить бесполезный разговор Инга. – Завтра перезвоню. Пока!

Она бросила телефон на кровать, включила бумбокс на полную громкость и пустилась в пляс. Инга праздновала по-

беду – она оказалась в числе трёх активисток фан-клуба, допущенных на закрытую вечеринку любимого певца. От одной мысли об этом у неё замирало сердце.

Телефон на кровати задёргался и свистнул – доставил сообщение. Его прислала активная и успешная почитательница таланта Доки, правая рука Жени – администратора клуба – Мила. Она не могла смириться с тем, что какая-то пожилая тётка так стремительно настигла её на вершине фанатской иерархии. Мила явно не ограничивала себя в выражениях: «Только попробуй явиться сегодня к Доке! Тебе не жить. Будь проклята!».

Отвечать Инга не стала. Пока. Странно, конечно, достигнув пенсионного возраста, оказаться в гуще борьбы за внимание любимого певца, но Инга давно перестала заморачиваться на эту тему. В конце концов, когда ещё, как не на пенсии человек свободен на все сто? И любит она Доку не за его красивые зелёные глаза, а за талант. А эти малолетние нимфоманки, ждущие певца под окнами и страждущие стать спутницами его жизни, пусть обращаются к психиатрам. Хорошо, что официальный фан-клуб сдерживает интимные притязания поклонниц Доки. Недавно даже исключили одну. Без возможности восстановиться.

«Может, – подумала Инга, – переслать это Жене? Она как администратор должна пресекать подобные нарушения этических норм».

Немного подумав, она всё же решила воздержаться. Не

захотела портить себе настроение. Инга по праву гордилась тем, что своим трудом и упорством заслужила этот вечер.

Ровно год назад, также в декабре, она завершила профессиональные дела, легко распрощалась с конструкторским бюро, которому отдала почти тридцать лет, и окунулась в мир творчества любимого певца.

Она легко прошла трёхмесячный испытательный срок. Делала всё, что требуется. Даже больше. Набирала необходимые баллы и стремительно повышала свой рейтинг. В конце зимы получила статус действительного члена фан-клуба, а вместе с ним и новые возможности для движения к заветной цели. Она была самой взрослой участницей клуба. Выслушивала подколы и насмешки, которые вначале её ранили и вызывали неприятные воспоминания о школьном детстве, но со временем утратили свою колюще-режущую силу. Инга научилась с юмором отвечать на выпады своих коллег по любви к Доке, а в некоторых случаях даже их игнорировать. Но Мила была особым случаем. Она занимала твёрдую позицию первой приближённой Жени. Это давало ей практически неограниченные возможности в трудном фанатском деле. Появление Инги она сразу восприняла в штыки. По её убеждению, Доку должны окружать молодые и красивые, а не пенсионерки с отросшими седыми корнями, которые будут забирать у него творческую энергию. Мила не сомневалась – старые всегда вампируют у молодёжи, поэтому она открыто и беспощадно воевала против Инги.

Зазвонил телефон. Инга вздрогнула. К счастью, это была Женья.

– Привет! Собираешься? – весело спросила она и напомнила: – Подарок не забудь!

– Конечно, не забуду! Пусть Мила не надеется, – не сдержалась Инга.

– А причем здесь Мила? – удивилась Женья.

Инга коротко рассказала о послании Милы.

– Вот же коза, – возмутилась Женья, – никак не успокоится.

Инга поняла, что пришло время дать Миле отпор. И выиграть.

– Мне кажется, – осторожно сказала она, – что у Милы проблемы. Она стала какой-то непредсказуемой. Ты не боишься, что она сегодня может сорваться?

– Есть такое опасение, – хмуро согласилась Женья.

– Не дай бог, выкинет что-нибудь на вечеринке. Испортит Доке праздник. Бедная девочка..., – Инга притворно вздохнула.

– Ладно, – решительно произнесла Женья, – буду думать. А ты не раскисай. Собирайся! Полвосьмого встречаемся у клуба.

Попрощавшись с Женей, Инга покрутила в руках телефон, набрала текст и, мгновение подумав, отправила его Миле. Вскоре пришло голосовое сообщение. Мила дала волю чувствам. Несколько крепких слов достались и Жене. Инга,

дослушав тираду Милы до конца, тут же переслала сообщение Жене.

– Слушай, Милка совсем с катушек съехала! – Женя кипела от возмущения. – Я ей запретила сегодня приходить. Если явится, выгоню её из клуба к чёртовой матери.

– Не волнуйся ты так, Женечка, может, у нее что-то в личной жизни не ладится, – вкрадчиво произнесла Инга.

– Дока – вот наша личная жизнь! – уверенно ответила Женя. – Но это уже перебор.

– Согласна, – Инга приоткрыла окно. Свежий декабрьский воздух приятно охладил её лицо. – Пусть лучше сегодня не приходит. От греха подальше. Представляю, как тебе трудно принимать это решение. Ведь вы такие близкие подруги.

– Переживу, – зло ответила Женя. – Вот, блин, всё настроение испортила.

– Мы должны думать о Доке, – попыталась успокоить её Инга. – У него сегодня такой важный день.

– Ты права, – согласилась Женя и, немного помявшись, продолжила: – скажу тебе по секрету, только ты никому, поняла?

– Что ты, Женечка, как можно, – ответила Инга.

Женя перешла на таинственный шёпот:

– Они с Ликой сегодня объявят, что у них будет ребёнок!

– Счастье то какое! – воскликнула Инга. – Я закажу для Лики роскошный букет!

– Класс! Давай! – поддержала её Женя. – И сама его ей вручишь!

Инга заказала букет и решила немного поспать, чтобы вечером быть энергичной и свежей.

Букет привезли вовремя. Рассчитавшись с курьером, Инга приступила к сборам.

Платье, купленное специально для долгожданного события, больно царапнуло правую лопатку. Инга проверила рукой – ценника не было. Да и не могло быть – она точно помнила, что отрезала его ещё в магазине. Она извернулась, застегнула молнию и придирчиво рассмотрела себя в зеркале. Платье царапнулось ещё раз – уже с другой стороны.

– Да что же это такое? – проворчала Инга, расстегнула молнию, через ноги сняла платье и повернулась к зеркалу спиной. На лопатках с обеих сторон красовались небольшие бледно-розовые волдыри.

– Что за чёрт? – напряглась Инга и аккуратно потрогала правую лопатку. Волдырь слегка спружинил и зачесался. Надев очки, она обнаружила на теле ещё несколько розовых пятен и маленьких волдырей и тут же позвонила подруге:

– Динка, что у тебя в аптеке есть от аллергического высыпания?

Дина назвала препарат.

– Можешь его привезти, – попросила Инга, – а то мне ещё накраситься нужно.

– Тут такое дело, – ответила Дина, – я с внучкой сижу. У

неё в садике карантин. По ветрянке.

Инга покрылась холодным потом:

– Давно сидишь?

– Ты у нас когда была? – уточнила Дина. – Их дня через два закрыли. А что?

– Да так, – уклонилась от ответа Инга, положила трубку и позвонила матери.

– Мам, я в детстве какими болезнями болела?

– Всеми, кроме ветрянки, – быстро ответила мать. – Даже эритема детская у тебя была, а ветрянка не долетела. А что?

– Потом расскажу, – коротко ответила Инга и бросила трубку.

«Только не сегодня!» – взмолилась она, продолжая убеждать себя, что у неё аллергия. Она никак не могла пропустить этот вечер! Никак! На ней подарок и цветы! Она избранная! Она так долго шла к этому! Она поедет во что бы то ни стало!

Инга аккуратно прижгла зелёнкой ненавистные пузырьки и пятна, надела платье, накрасилась и вызвала такси.

Снег усилился, ветер стал сильнее и жёстче. Инга села на заднее сиденье, положив рядом цветы и пакет с подарком. Она старалась не думать о проклятых водянистых пузырях, смотрела в окно, пытаясь отвлечь себя яркой новогодней иллюминацией. Ей казалось, что в праздничных огнях слишком много розового и зелёного цвета, и от этого ещё больше хотелось плакать.

До клуба оставалось ехать минут пять. Огромная реклама

известного московского театра зазывала на спектакль «Зеркало треснуло». Инге вспомнился фильм с Элизабет Тейлор. Она смотрела его ещё в советские времена. «За что героиня убила свою поклонницу?» – подумала Инга и внезапно у неё перехватило дыхание: «Заразилась от неё во время беременности какой-то детской болезнью и родила слабоумного ребёнка... Боже мой!».

– Стойте! – крикнула Инга таксисту. – Остановитесь!

Она дрожащими руками достала телефон, позвонила Жене, едва сдерживая слёзы, сообщила, что подарок с цветами через несколько минут подвезёт таксист, вызвала другую машину и вернулась домой.

Автограф в клеёнчатой тетради

Фантастическая история

Марине Васильевне неожиданно исполнилось девяносто лет. Она перешла в когорту долгожителей, захватив с собой хорошую физическую форму, трезвый ум и здравую память. Отметить это событие она решила в неформальной обстановке и остановила свой выбор на Отделе рукописей Ленинской библиотеки, где тридцать лет назад – в две тысячи девятнадцатом – без устали изучала архив своей дальней родственницы Зинаиды Сергеевны Лыпиной.

Узнала об архиве Лыпиной Марина Васильевна случайно. За пару лет до выхода на пенсию у неё пробудился активный интерес к семейной истории, и она начала рыть родовые траншеи во всех направлениях по обеим родительским линиям. Увидев как-то на одном из генеалогических сайтов фамилию Лыпиных, Марина Васильевна обнаружила крохотную, но весьма значимую для неё, точку пересечения с родом Лыпиных. От такого эпизода в семейной истории не отказываются, и Марина Васильевна с головой погрузилась в пучину чужой жизни.

Необычность судьбы и активная общественная позиция

побудили Лыпину написать мемуары. Воспоминания о своей жизни она едва вместила в три увесистых тома машинописного текста, мечтала их опубликовать, но так и не смогла. За несколько лет до ухода из жизни, в конце семидесятых, она сдала мемуары в Ленинку, а с ними заодно и весь личный архив – свои и чужие письма, дневники, фотоальбомы и прочие свидетельства эпохи. Тот факт, что Ленинка взяла архив на хранение, говорил о его значительности. Лыпиной даже заплатили за него некоторую сумму, которой хватило на приобретение холодильника.

Лыпина много писала сама и активно переписывалась с большим количеством людей. Некоторые адресанты делились с ней своими маленькими и большими секретами. Порой Марине Васильевне казалось, что, читая откровения чужих для неё людей, она подсматривает за ними в замочную скважину, но желание найти хоть что-нибудь о своих предках, смешанное с простым человеческим любопытством, быстро отключало все этические сомнения Марины Васильевны.

Однажды Марина Васильевна получила на руки документ, который в описи значился как «Автограф в клеёнчатой тетради». Она раскрыла толстую тёмно-коричневую тетрадь в клеточку и, предвкушая, что узнает сейчас ещё что-то очень важное, с первой же страницы поняла, что не может разобрать ни слова. Корявый почерк пожилого человека стал непреодолимой преградой между любопытством Мари-

ны Васильевны и секретами, которые Лыпина доверила своему дневнику. Марина Васильевна сдала документ в тот же день, так и не прочитав нём ни строчки.

Пропитавшись судьбой Лыпиной, Марина Васильевна почувствовала почти мистическую связь с этим удивительным человеком и убедила себя, что именно на неё возложена миссия воплотить мечту покойной – опубликовать мемуары. Изучив юридическую сторону вопроса, к своему огромному разочарованию, она обнаружила, что публикация воспоминаний будет возможна только через тридцать лет, когда ей самой исполнится девяносто. Немного погрузив, она рассталась со своей идеей и задумала в качестве компенсации по материалам архива написать биографический роман. С романом тоже как-то не сложилось, но Марина Васильевна решила последовать примеру Лыпиной и всерьёз занялась архивом собственным.

Накануне юбилея Марина Васильевна вспомнила о Лыпиной, оценила свои силы и поняла, что готова воплотить её мечту в жизнь.

Белоснежный Дом Пашкова был так же великолепен, как тридцать лет назад, и всё, что его окружало тоже будто замерло во времени и пространстве. Те же ворота со стороны Староваганьковского переулка, заснеженная брусчатка во дворе и деревянные лавочки по обе стороны большой клумбы с пышной ёлкой в центре, установленной по случаю новогоднего праздника.

Поднявшись по ступенькам на крыльцо, Марина Васильевна собралась с силами, чтобы открыть огромную входную дверь, но та вдруг сама гостеприимно распахнулась перед ней. Робот-охранник проверил читательский билет Марины Васильевны, доброжелательно посоветовал заменить его на более современный и без лишних вопросов пропустил. Гардеробщица приветливо улыбнулась и, приняв у Марины Васильевны куртку, пожелала ей хорошего дня. «Научились, наконец, делать роботов, – одобрительно подумала Марина Васильевна. – Глаза как настоящие. С огоньком».

Для входа в читальный зал понадобилось лишь прикоснуться большим пальцем правой руки к зелёному кружку на корпусе турникета. «А когда-то здесь тоже сидел охранник, – подумала Марина Васильевна с некоторой ностальгией. – Экономят, видно. Не стали робота сюда сажать. А хорошо бы для создания колорита».

Она прошла в зал и с удивлением обнаружила, что и там ничего не изменилось. Столы с зелеными столешницами и настольными лампами, высокие книжные шкафы, заполненные книгами, кафедра, где принимали заказы и выдавали материалы, даже запах был из девятнадцатого года.

За кафедрой сидел импозантный мужчина лет шестидесяти. «Седой бобёр всегда в цене», – почему-то подумала Марина Васильевна и, присмотревшись, узнала в нём библиотекаря тридцатилетней давности. Она даже вспомнила его имя.

– Владимир, – обратилась она к мужчине, – вас же так зовут?

– Совершенно верно, – ничуть не удившись ответил тот и предъявил Марине Васильевне бейджик с голограммой, подтверждающий его человеческий статус. – Я человек.

– А я вас помню, – не унималась Марина Васильевна, – вы здесь работали ещё в девятнадцатом году. Вам лет двадцать пять было на вид.

Мужчина заинтересованно взглянул на Марину Васильевну.

– Двадцать семь, – уточнил он и добавил: – А я вас, тоже припоминаю.

– Меня узнать сложнее, – засмеялась Марина Васильевна, – мне тогда было около шестидесяти. Примерно, как вам сейчас.

– Вы молодец! – искренне восхитился Владимир. – Прекрасно выглядите!

– Хорошо сохранилась, вы хотели сказать, – с улыбкой ответила Марина Васильевна. – А у вас здесь ничего не изменилось.

– Давненько вы к нам не приходили – у нас очень много новшеств, – не согласился Владимир.

– Автоматические двери и роботов на входе и в гардеробе я заметила, – смягчилась Марина Васильевна.

– Поверьте, это самое малое, чем мы можем гордиться! – рассмеялся Владимир.

Марина Васильевна одобрительно улыбнулась:

– Тогда подскажите, как мне посмотреть воспоминания одной дамы...

– Точно! Воспоминания! – обрадованно перебил её Владимир. – Вы всё время брали воспоминания ... фамилия то ли на «П», то ли на «Н».

– Лыпина Зинаида Сергеевна, – уточнила Марина Васильевна.

– Вот-вот! Лыпиной. Мы тогда на вас смотрели и думали – что за интерес такой? Честно говоря, даже посмеивались между собой: может, женщина ищет зашифрованную информацию, шпионское что-нибудь и вносит к себе в компьютер.

– Ну уж нет, – рассмеялась Марина Васильевна, – на шпионку я точно не тяну. А сейчас тем более.

– Так вы опять к Лыпиной пришли? – удивился Владимир.

– К ней. Я ведь тогда только чуть больше половины текста набрала. Теперь решила довести дело до конца и воспоминания всё-таки опубликовать. Уж очень она об этом мечтала в своё время.

– Вы поразительно целеустремлённый человек! – восхищённо сказал Владимир. – Хочу вас порадовать: все рукописи у нас давно оцифрованы. И Лыпиной тоже.

– Да что вы? – поразилась Марина Васильевна. – Подскажите, Владимир, тогда что мне нужно сделать, чтобы опубликовать её воспоминания?

– Когда истекает срок действия имущественных авторских прав, система автоматически меняет статус документов и переводит их в общественное достояние с одновременной публикацией на специализированных порталах, а также обеспечивает выпуск небольшого тиража на бумажном носителе для традиционных библиотечных фондов, – бодро и без запинки объяснил Владимир.

– Вы хотите сказать, что воспоминания Лыпиной уже опубликованы?

– Думаю, что так и есть, однако, давайте проверим, – Владимир провёл пальцами по столешнице кафедры. На ней замелькали многочисленные таблицы и картинки. – Вот – первого января прошлого года в ноль часов ноль минут весь архив вашей Лыпиной перешёл в общественное достояние и был опубликован.

– Да что вы! – обрадовалась Марина Васильевна. – В какое время мы живем! Я целый год конспектировала её воспоминания, а тут раз – и всё опубликовано! Зинаиде Сергеевне такое даже присниться не могло!

– Век высоких технологий! – поддержал восторг Марины Васильевны Владимир. – Вы можете запросить у системы информацию о любом персонаже архива и узнать о нём подробнее из внешних источников. Планшет для работы с системой вмонтирован в столешницу. Очень удобно.

– У меня просто нет слов! – воскликнула Марина Васильевна.

– Я вам больше скажу, – с гордостью сказал Владимир, – теперь вы при желании можете пообщаться с Лыпиной лично.

Марина Васильевна растерялась:

– Мне, конечно, много лет, но я пока не готова к этой встрече.

– Да нет, – рассмеялся Владимир, – не пугайтесь. Наша система смоделирует Лыпину на основе данных, которые имеются в глобальном информационном поле, представит её в виде голограммы, и вы сможете с ней поговорить.

– Скажите, а могу я просто полистать воспоминания? – осторожно спросила Марина Васильевна.

– Все оригиналы находятся на специальном хранении, – ответил Владимир, – допуск к ним строго ограничен. Но вы можете воспроизвести в печатном виде любой документ и листать его, сколько вам хочется. Даже с собой можете его забрать.

– Любой? – уточнила Марина Васильевна.

– Да, – кивнул Владимир. – Первая единица хранения копируется бесплатно, остальные – по прайсу. В день можно распечатать не больше одной единицы. Таковы правила.

Марина Васильевна сразу вспомнила про «Автограф в клеёнчатой тетради».

«Интересно, – подумала она, – смогла ли всемогущая система разобрать каракули Зинаиды Сергеевны?».

Оказалось, что смогла. Дневник Лыпиной был расшифро-

ван, оцифрован и опубликован.

Марине Васильевне не терпелось почитать, что же написано в толстой тетради, и она решила не откладывать это важное дело – уселась за стол поближе к окну, за которым любила сидеть в далёком девятнадцатом, и принялась изучать бумажную копию дневника Лыпиной.

Она с удивлением обнаружила, что тетрадь испещрена отнюдь не дневниковыми записями. Оказалось, что последние годы Лыпина записывала ключевые данные всех своих адресантов: места их проживания, даты написания писем, главные новости, которыми они с ней делились, и свою оценку этих новостей. Это был своего рода подробный каталог эпистолярных произведений большого количества людей, от просто знакомых до родных и друзей Лыпиной. Марина Васильевна вспомнила, что некоторые письма когда-то поразили её особой доверительностью – люди делились с Лыпиной своими секретами и тайнами, не заботясь о том, что кто-то третий может прочесть их откровения.

В памяти Марины Васильевны всплыла одна такая история. Некто Т-ский в начале семидесятых писал Лыпиной о своей второй семье, о том, как ему тяжело разрываться между детьми и жёнами, как невыносимо это скрывать, и что только Зинаиде Сергеевне он может доверить свою тайну.

Марина Васильевна нашла в тетради записи о Т-ском. Лыпина была строга в оценке ситуации, гневно осуждала Т-ского, называя его поведение недостойным коммуниста. Мари-

на Васильевна не помнила, чтобы Лыпина так писала Т-скому в своих ответных письмах, черновики которых она тоже сдала в архив. Видимо, опасалась, что он прервёт переписку. Т-ский в свою очередь продолжал изливать душу перед Лыпиной в течение многих лет.

Марина Васильевна запросила у системы данные на Т-ского. Помимо самих его писем система выдала большое количество ссылок на различные ресурсы, где можно было узнать о том, как сложилась жизнь этого страдальца-двоеженца периода развитого социализма. Оказалось, что он развелся с официальной женой, зарегистрировал брак со второй и умер от инфаркта в середине восьмидесятых, когда один из его сыновей от второго брака, работая в Ленинке над диссертацией, случайно наткнулся на письма отца к Лыпиной. Не справившись с шоком от такой новости, сын устроил в семье разоблачающий погром, в результате которого погиб не только Т-ский, но и семья в целом во всех смыслах этого слова.

Узнав о трагическом финале истории Т-ского, Марина Васильевна растерялась. Ей стало стыдно за своё праздное любопытство, которое поглотило её тридцать лет назад.

«Зачем Лыпина это сделала? Зачем она сдала эти письма в архив? – лихорадочно думала Марина Васильевна. – Чтобы такая любопытная Варвара типа меня рылась в чужих судьбах? Или что-то ещё? Что-то такое, чего я никак не могу понять?».

Она вдруг почувствовала страшную злость на Лыпину, словно та втянула её во что-то грязное. Злость сокрушила её психологический барьер, и, получив от Владимира необходимые инструкции, Марина Васильевна запросила у системы голограмму.

Система смоделировала антураж Ленинки семидесятых годов и голограмму Лыпиной того времени. Марина Васильевна не стала тянуть кота за хвост и без обиняков спросила:

– Зинаида Сергеевна, вы не раскаиваетесь в том, что сдали в архив не только свои дневники и письма, но и тех, кто писал вам?

– Понимаете, Мариночка, – спокойно ответила голограмма, – я всегда мыслила не местечковыми масштабами, а глобально. Смотрела на жизнь и общественные процессы широко. Вы же знаете о моей судьбе практически всё – как я жила до Октябрьской революции, что пришлось пережить моему поколению в Гражданскую, каково нам было в эмиграции, и сколько мне пришлось приложить сил, какие принести жертвы, чтобы вернуться на Родину.

– Судьба на вашу долю выпала непростая, что и говорить, – сухо согласилась Марина Васильевна, машинально чёркая карандашом на обложке тетради.

– Вот именно! – воодушевилась Лыпина. – А как же можно сохранить для потомков историческую память, если уничтожать письма и дневники? Я хотела, чтобы у моих вну-

ков и правнуков была возможность изучать жизнь предыдущих поколений, получая информацию из первых рук. Без купюр, так сказать. И чтобы историки могли максимально точно воспроизводить в своих изысканиях прошлое таким, каким оно было на самом деле. Согласитесь, что мой архив – это и есть живой голос эпохи.

– Думаю, что информация из первых рук далеко не всегда достоверна, – возразила Марина Васильевна, рисуя небольшой квадрат.

– Конечно! – рассмеялась голограмма. – Поэтому архиважно, чтобы сохранялось как можно больше свидетельств об одном и том же времени! Давайте оставим объективную реконструкцию прошлого историкам.

– Но историкам не обязательно копать в чужом грязном белье, – не сдавалась Марина Васильевна, энергично заштриховывая квадрат.

– Вы, дорогая, наверняка знаете о существовании удивительной области человекознания – исторической психологии. А еще об исторической нейропсихологии. И так далее.

– Допустим, – Марина Васильевна нервно нарисовала над квадратом треугольник. Грифель не выдержал напряжения и сломался.

– И вы не можете не согласиться, что именно в грязном, как вы выразились, белье, – методично продолжила Лыпина, – невероятно много ценнейшего материала для познания глубин человеческой психологии на разных этапах об-

щественного развития. Я не говорю сейчас о великих. Они по определению обречены на тщательный анализ всех видов их белья. Я имею в виду самых обычных людей-тружеников.

– Тогда поставлю вопрос иначе, – продолжала упорствовать Марина Васильевна, – вы самовольно распорядились тайнами других. Это не было их выбором. Вы в курсе, что один ваш друг умер, когда его дети узнали из архива правду, которую он доверил только вам?

– А что делать, Мариночка, – развела руками голограмма, – как говорится, лес рубят – щепки летят. Наука не всегда человеколюбива, даже если это человекознание в самом широком смысле этого слова. Извините за почти тавтологию.

Она доверительно наклонилась к Марине Васильевне и с революционной горячностью произнесла:

– Вы, Мариночка, прожили большую, насыщенную событиями жизнь. Вы жили при социализме и капитализме. У вас было и есть много знакомых и друзей. Ваш долг перед историей передать накопленные материалы в государственный архив. Это ваша, если хотите, обязанность! Я настаиваю, я требую, чтобы вы...

Не дав ей договорить, Марина Васильевна нажала кнопку «Завершение сеанса». Голограмма исчезла.

Вернувшись домой, Марина Васильевна вывалила на пол весь свой архив, достала из кладовки шредер, купленный ещё в семнадцатом году, и принялась разбирать документы, безжалостно превращая чужие тайны доинформацион-

ной эпохи в бумажные опилки.

Тест на графоманию

– Скажите, девушка, вы тоже графоманка?

– Нет, я депрессивная, – безразлично ответила Полина и тихо заплакала.

– Очень хорошо, – обрадовался мужчина, – значит, показалось.

Полина высморкалась в бумажный платок, потёрла им под носом, скомкала и запихнула в боковой карман сумочки.

– Что вам показалось? – через силу спросила она.

– Подумал, вдруг мы одной крови, – вздохнул мужчина.

Полина вяло поинтересовалась:

– У вас какая?

– Что? – не понял мужчина.

– Группа крови какая у вас? – Полина кончиками пальцев повозила по вискам.

– Так это я в метафорическом смысле, – рассмеялся мужчина, – мне показалось, что вы тоже графоманка. Как и я.

– У вас такой диагноз? – наконец удивилась Полина.

– Де-юре пока нет, но, де-факто, – мужчина покачал головой, – де-факто – очень возможно.

На вид ему было лет пятьдесят пять. Тридцатилетней Полине он казался глубоким стариком, а тут ещё этот странный разговор. Впрочем, каким может быть разговор в психдиспансере?

Полина достала из сумочки телефон и набрала подруге смс-ку. Та быстро ответила. Полина написала ещё одну, и ещё, и ещё.

Мужчина не сдержался.

– Вы так ловко набираете текст, – тревожно сказал он, – в этом точно есть что-то графоманское.

– Послушайте, – рассердилась Полина, – ничего такого в этом нет. Обычная переписка.

– Не скажите, – возразил мужчина, – в движениях ваших больших пальцев чувствуется мощное влечение к написанию текстов.

Полина молча уставилась на мужчину. «Чего он ко мне докопался? Сумасшедший какой-то!» – сердито подумала она и пересела на соседний стул.

– И лицо при письме у вас такое вдохновлённое, будто каждое слово для вас радость и боль одновременно, – не унимался мужчина, пересаживаясь вслед за Полиной. – На компьютере, наверное, так же ловко пишете?

– Набираю триста семьдесят знаков в минуту, – Полина сделала ударение на слове «набираю», чтобы мужчина наконец от неё отстал.

– Высокая скорость, – с уважением сказал он. – У меня гораздо ниже. Вам диктуют?

Он многозначительно поднял указательный палец вверх и закатил глаза.

– Никто мне не диктует, – буркнула Полина, – читаю и

набираю.

– Вы сначала от руки пишете? – напрягся мужчина. – Как в стародавние времена?

– Таких времён я не застала, – дерзко ответила Полина, – мне всего тридцать.

– Ах да, простите, ваше поколение совсем другое в этом смысле... И не только в нём, – мужчина хитро улыбнулся, – это прекрасно, когда поколения отличаются друг от друга.

«Флиртует что ли? – подумалось Полине. – Этого ещё не хватало!».

Ей вдруг стало смешно – сложные отношения с мужем вогнули её в депрессию, она решила обратиться к специалисту, но ей в голову не могло прийти, что к ней будут клеиться в очереди к психиатру.

– Так вы всё-таки не графоманка? – с надеждой уточнил мужчина.

– Я замужем, – зачем-то сказала Полина.

– Очень хорошо! – обрадовался мужчина. – Тогда мы ничем не рискуем!

– Что значит – не рискуем? – Полина в недоумении посмотрела в глаза странному человеку.

– Вы замужем, я женат. У меня внуки. Это значит, что, если мой диагноз не подтвердится, мы с вами сможем спокойно написать что-нибудь в соавторстве.

– О чём вы говорите?! В каком соавторстве?!

– Я быстро придумываю, вы быстро набираете. Наша

встреча – это настоящая удача! – восторженно объяснил мужчина. – Только нужно потерпеть минут двадцать, пока всё будет решено.

– Что решено? – Полина достала из сумки пачку бумажных платков.

– Пройду тест на графоманию, – ответил мужчина, потирая ладони. – Очень волнуюсь. Видите, даже руки вспотели.

Полина протянула ему один платок, другим машинально протёрла экран телефона.

– Разве есть такой тест? – удивлённо спросила она, положив пачку платков на столик.

– Должен быть, – уверенно ответил мужчина. – Говорят, что сейчас настоящая графоманская эпидемия. Хуже, чем коронавирусная. Вот я и решил провериться.

– Так вы писатель? – Полина с интересом посмотрела на мужчину.

– Мечтатель, – грустно улыбнулся он. – Мечтаю стать писателем, но опасаясь.

– Графомании? – сочувственно спросила Полина.

– Увы, – вздохнул мужчина. – На курсах учусь, лекции слушаю, читаю, идей много, но как только за компьютер сажусь, чтобы своё написать, сразу накрывает – а вдруг я графоман?

– И что? Совсем ничего не написали?

– Пару-тройку рассказов, – мужчина смял платок и точным движением забросил его в урну, – что называется – в

стол.

– Может, вам не сюда нужно? – неуверенно спросила Полина. – Есть же какие-то литературные комьюнити. В смысле – сообщества.

Мужчина хотел что-то ответить, но не успел – из кабинета вышел посетитель, за ним появилась медсестра и громко объявила:

– Следующий!

Мужчина нервно потёр ладонями колени, вскочил со стула и решительно направился в кабинет.

Полина дописывала очередную смс-ку, когда он вернулся.

– Прекрасный доктор, – радостно сообщил мужчина и уселся рядом с Полиной, положив на колени толстую папку.

– Прошли тест? – поинтересовалась Полина, отключая телефон.

– Вы оказались правы – теста такого пока не существует, – мужчина постучал пальцами по папке.

– То есть не выяснили – графоман вы или нет? – осторожно спросила Полина.

– Доктор сказал, что я тревожно-мнительный, и дал мне вот это, – мужчина хлопнул ладонями по папке.

Полина вопросительно молчала.

Мужчина слегка придвинулся к ней и доверительным шёпотом сказал:

– Это его роман. Он дал мне почитать и записал на приём. Приду к нему через неделю.

Он хотел ещё что-то добавить, но медсестра вызвала следующего, и Полина пошла в кабинет.

Когда она вернулась, на спинке кресла, где сидел до этого её необычный собеседник, она увидела аккуратно приклеенный белый стикер.

«Очень торопился, извините. По вопросам соавторства, если это интересно, пишите мне на почту. Буду рад», – прочитала Полина. Она улыбнулась, достала из бокового кармана сумочки использованный платок, отправила его в урну, положила вместо него стикер с электронным адресом нового знакомого и, бросив прощальный взгляд на упаковку бумажных платков, которые она оставила на столике, направилась к выходу.

Квест для директора школы

Глава будущего романа

– Уважаемые труженики образовательного фронта, прошу любить и жаловать – ваш, так сказать, новый локомотив – Алевтина Викторовна Черняева, – представил мэр Алевтину.

Шестидесяти четырёхлетний Пётр Владимирович Колбаса, несмотря на свою занятость, всегда сам представлял вновь назначенных руководителей организаций, учредителем которых являлся город. Во время визитов в школы и детские сады его сопровождала начальник Управления образования Лариса Дмитриевна Широченко. Она, как правило, молчала во время речей мэра, согласно покачивала головой и время от времени пожимала плечами, выражая тем самым то ли сомнение, то ли удивление.

Пётр Владимирович был отставным военным с большим командирским опытом. Его избирали на должность мэра маленького южного города дважды. Сначала потому, что всем надоела предыдущая «мэрша», и в пику ей жители дружно проголосовали за Колбасу. Фамилия кандидата, конечно, вызывала шутки, как у его сторонников, так и у противни-

ков. Местный мясокомбинат во время предвыборной кампании разместил рекламные баннеры со слоганом: «Колбаса в нашем городе будет!». Их не стали демонтировать даже накануне дня тишины, объяснив, что это всего лишь реклама мясокомбината.

На второй срок Петра Владимировича избрали уже сознательно. Порыв мясокомбината развесить плакаты с надписью «Колбаса в городе – счастье жителям!» Пётр Владимирович не поддержал. За пять лет он многое успел сделать для города, своим трудом заслужил уважение земляков, и не хотел быть причастным к сомнительным маркетинговым ходам. На мясокомбинате сделали удивлённые лица – мол, причем здесь вы, Пётр Владимирович? – но баннеры развешивать не стали.

Идея о привлечении в город молодого, но опытного специалиста мэру очень понравилась. Он понимал важность молодой энергии для города и всячески поощрял энтузиазм подрастающего поколения. Он был в курсе всех дел образования и знал о том, что Волдырёв ждёт своего директорского часа. Мэр высоко ценил профессиональные качества Волдырёва, но терять московского специалиста было, на его взгляд, расточительно.

– Алевтина Викторовна имеет большой педагогический и административный опыт. Надеюсь, что она привнесет в жизнь не только вашей школы, но и города в целом, московские инновационные подходы, – воодушевлённо продолжал

мэр. – Тем более, что она здесь человек не посторонний. Вы в какой школе учились, Алевтина Викторовна? – обратился он к Алевтине.

– На Ленина, – коротко ответила та.

– Хорошая школа. Здание сравнительно молодое – в семидесятые построено... Это тоже в семидесятые, – он оглядел кабинет и рассмеялся: – Правда, девятнадцатого века. Ну, да энергия столетий, так сказать, вам поможет, а коллектив поддержит! Или, наоборот. Что, коллектив, – обратился он к собравшимся, – поддержите нового директора?

Раздались дружные аплодисменты.

– Или поможете? – с хитрым прищуром спросил мэр.

Коллектив вновь радостно зааплодировал.

Алевтина благодарно заулыбалась, но вдруг ощутила волну холодной злости. Она посмотрела в сторону, откуда шёл холод, и уперлась в жёсткий взгляд Волдырёва.

– С учителями вы сами познакомитесь. В процессе работы, так сказать, – продолжал Пётр Владимирович. – Но не тяните со знакомством, а то они без твёрдой руки разболтаются. Учителя ведь что дети. Как говорится – с кем поведёшься, от того и наберёшься. Вот и Лариса Дмитриевна не даст соврать.

Широченко согласно покивала головой и развела руками: что есть, то есть.

Педагоги засмеялись. Они привыкли к шуткам мэра, которые за годы его жизни на гражданке так и не утратили ар-

мейского колорита.

– А вот командный состав, генштаб, так сказать, я вам представлю немедленно. Начнём с материального обеспечения – с интендантской службы, так сказать. Ваш заместитель по хозяйственной части – Семён Ильич Зиновьев, – мэр поискал глазами Зиновьева: – Ты где спрятался, Ильич?

Из-за последней парты поднялся невысокий круглый человек возраста пятьдесят пять плюс и чинно раскланялся.

– Это ваши, так сказать, ноги, Алевтина Викторовна. Дело своё знает, хотя любит поспорить. Имейте это в виду.

Алевтина улыбнулась Зиновьеву:

– Буду иметь в виду.

– Кудрявчук Людмила Васильевна. Возглавляет начальную школу. Ваш левый фланг, так сказать. Не в том смысле, что делает всё левой рукой, – пояснил мэр, – а в том смысле, что левши, как известно, народ умелый.

Кудрявчук, сидевшая за первой партой, подняла вверх левую руку, подпирая её ладонью правой, как это делают ученики начальных классов. Алевтина приветливо ей кивнула.

– Ваш авангард – заместитель по воспитательной работе Инга Геннадиевна Сидорова.

Сидорова – дама в соку и больших очках – быстро поднялась со своего места.

– Инга Геннадиевна человек патриотически правильно настроенный, энергичный и в меру творческий. Творчество, знаете ли, без меры – это штука опасная. Особенно в деле

воспитания. А Инга Геннадиевна меру знает.

– Очень приятно, – обратилась к Сидоровой Алевтина.

– Ну, и ваш правый фланг. Чтобы понятнее было – ваша правая рука – Анатолий Иванович Волдырёв.

Волдырёв хмуро кивнул головой, вставать не стал. Алевтина с недоумением посмотрела на Широченко. Та пожала плечами.

Мэр поспешил Алевтину успокоить:

– Не смотрите, что серьезный такой. Всё знает, всё умеет. Всё расскажет и поможет. Анатолий Иванович, – обратился он к Волдырёву, – не оставишь молодого директора без поддержки?

– Посмотрим, – пробурчал Волдырёв.

– И с юмором у него всё в порядке, – утешил Алевтину мэр.

– Это хорошо, – проямлила в ответ Алевтина.

– Службой безопасности, так сказать, особым отделом, у вас руководит Антон Антонович Антонов. Он сейчас в райцентре на совещании, так что познакомитесь с ним потом в частном порядке, – подытожил мэр. – Ну, приступайте, Алевтина Викторовна, так сказать, к вашим прямым обязанностям. Не будем мешать, – он посмотрел на Широченко: – Скажите пару напутственных слов, Лариса Дмитриевна, да пойдём, а то нас в школе Искусств заждались.

Широченко пожелала удачи коллективу и лично Алевтине, и поспешила за мэром.

– Ещё раз здравствуйте, – немного стесняясь произнесла Алевтина. – Надеюсь, что мы сработаемся.

Кудрявчук выскочила к Алевтине и вручила ей букет хризантем:

– Обязательно сработаемся, Алевтина Викторовна!

От неожиданности Алевтина присела в реверансе.

– Может, у вас ко мне есть вопросы? – обратилась она к собравшимся.

– Думаю, что сейчас вопросы излишни, – перехватил инициативу Волдырёв. – Коллеги, у вас есть, чем заниматься. Расходитесь по своим классам. Члены администрации приглашаются на совещание в кабинет директора. Через десять минут начинаем.

Алевтина беспомощно посмотрела на педагогов и пожала плечами. Точь-в-точь, как Широченко.

– Прошу вас, Алевтина Викторовна, – пригласил новоиспечённого директора к выходу Волдырёв.

В кабинете директора Волдырёв по-хозяйски уселся было в директорское кресло, но, вовремя спохватившись, перебрался за стол для совещаний. Алевтина села напротив него. Она решила начать общение с административной командой в духе партнёрства.

«Не слишком ли резко он с ними разговаривает?» – едва успела подумать Алевтина, как в кабинет начали заходить

замы. Они расселись по своим местам и вопросительно посмотрели на неё.

– Разрешите я начну, – вновь взял на себя инициативу Волдырёв, – так мы сэкономим время.

– Конечно, Анатолий Иванович, – не стала возражать Алевтина.

– Итак, коллеги, всё как всегда – конференция, пробный день и первое сентября.

– Приёмка школы как обычно? – задал вопрос завхоз Зиновьев.

– Да, все штатно, – быстро ответил Волдырёв.

– Штатно – это как? – поинтересовалась Алевтина.

– Разве в Москве школы перед учебным годом сдают как-то по-особенному? – Волдырёв не скрывал раздражения. – Ах да, извините! Московские инновационные подходы и всё такое!

– Нет, ничего такого, – смущённо ответила Алевтина.

– Анатолий Иванович имеет в виду, что мы готовы взять на себя сдачу школы, чтобы вам легче было привыкнуть и войти в курс дела, – поспешила на помощь Алевтине Кудрявчук.

– Я имел в виду ровно то, что я сказал, Людмила Васильевна. Не нужно приписывать моим словам иные смыслы, – осадил её Волдырёв.

– Анатолий Иванович, я вас прошу понизить тон, – пошла в атаку Кудрявчук, – что-то вы разгорячились.

– Не обращайтесь со мной как с учеником первого класса, Людмила Васильевна! – Волдырёв шумно захлопнул свой ежедневник.

– Всё хорошо, Людмила Васильевна, не волнуйтесь, – зашептала Алевтина, – это рабочие моменты. Значит, с приёмкой школы всё будет нормально?

– Да. Всё будет нормально, – сухо ответил Волдырёв. – И с пробным днём, и с первым сентября тоже всё будет нормально.

– Насчет «всё нормально» я бы не спешил, – подключился к разговору завхоз. – В спортзале крыша подтекает. Что будете делать первого сентября, если сильный дождь пойдёт?

– Будем надеяться, что дождя не будет, – оптимистично заявила Алевтина.

– Последний звонок провели, и дождь не помешал. Главное – праздничный настрой, – активизировалась Сидорова. – Коллеги, нужно решить, кто будет первого сентября звонить в колокольчик. От одиннадцатого класса есть два варианта.

– Вы о ком? – спросила Кудрявчук.

– Федоренко или Васильев.

– Не подходят.

– Почему, Людмила Васильевна? – Сидорова подскочила со своего места. – Хорошие мальчики, почти отличники. Симпатичные.

– Худоваты, – отрезала Кудрявчук.

– В каком смысле? – удивилась Алевтина. Она впервые

столкнулась с подобной проблемой выбора.

– Девочка-первоклассница, которая будет звонить, крупная, если так можно выразиться.

– Это вы о ком? – поинтересовался Волдырёв.

– Сами знаете, Анатолий Иванович, – язвительно ответила Кудрявчук.

– Ах да ... эта девочка вскормлена на лучших сортах продукции нашего мясокомбината, – согласился Волдырёв.

– Может, её заменить? – задала глупый вопрос Алевтина.

Волдырёв ехидно улыбнулся:

– На кого можно променять дочь заместителя директора нашего спонсора, как вы думаете, Алевтина Викторовна?

– Только на дочь другого заместителя другого спонсора, – подсказал завхоз. – Или сына.

– Что вы такое говорите, Семён Ильич! – возмутилась Сидорова. – Мы важный вопрос обсуждаем.

– Я вам решение предлагаю, между прочим, – обиделся завхоз, – поменять мальчиков на девочек. И наоборот. А что – очень необычно и в ногу со временем – большая девочка несёт маленького мальчика.

– Ну вас, Семён Ильич, – отмахнулась от завхоза Сидорова, – вечно вы со своими шуточками.

– Если мы не можем заменить упитанную девочку, может, стоит поискать в одиннадцатом классе упитанного мальчика? – предложила Алевтина.

– Все наши упитанные не очень воспитанные, – оконча-

тельно расстроилась Сидорова.

– Так уж и все? – усомнилась Алевтина.

– Поищите, Людмила Васильевна, – распорядился Волдырёв, – у нас в этом году очень хорошие одиннадцатые. Есть, между прочим, спортсмены.

– Поищу, конечно. Куда деваться, – сдалась Сидорова.

– А может, пусть эта девочка прочитает стихотворение на линейке, а звонок даст другая? – радостно предложила Кудрявучк.

– Отличная идея, – поддержала её Алевтина. – И ребёнка не травмируем. Это ведь тоже очень важно.

– И спонсора не обидим, – с иронией добавил Волдырёв.

– Увы, это тоже важно, – согласилась Алевтина.

На том и порешили.

– Я, конечно, очень рад, что вопрос с девочками и мальчиками разрулили, но меня интересует крыша, – взял быка за рога завхоз.

– Крыши остались в девяностых, Семён Ильич, – решил наконец пошутить Волдырёв, – вы не в курсе?

– Интересно, откуда у вас такая осведомлённость по данному вопросу? – сделал ответный ход завхоз.

– В газетах читал, – усмехнулся Волдырёв.

«Когда он улыбается, кажется симпатичным», – подумала Алевтина про Волдырёва и обратилась к завхозу:

– Семён Ильич, вопрос крыши очень важный. Давайте мы

его обсудим после совещания.

– Как скажете, Алевтина Викторовна. Но опыт показывает, что после этого совещания вас призовут на другое совещание, а потом ещё на одно. И так до бесконечности. А крыша, между прочим, ждать не будет.

– Обещаю, что мы обязательно вернёмся к этому вопросу, – успокоила завхоза Алевтина и переключилась на Волдырёва: – Анатолий Иванович, скажите, пожалуйста, сколько человек должно пойти на конференцию?

– Все, – лаконично ответил Волдырёв.

– Как это все? – удивилась Алевтина.

– Весь педсостав. А что, в Москве не так? – вновь не сдержал ехидства Волдырёв.

– Не так..., – растерялась Алевтина, – там по разнарядке, от каждой школы определенное количество людей...

– Москва ведь огромная какая! – воскликнула Кудрявчук. – А у нас школ и садов – раз-два и обчелся. Отлично помещаемся в Доме культуры.

– Понятно... Это, наверное, хорошо – все друг друга знают.

– И друг друга, и друг про друга. Мышь не проскочит, – поджав губы и почему-то в нос произнесла Сидорова, поднимая на лоб очки.

Кудрявчук захихикала и метнула взгляд в сторону завхоза. Тот покашлял в кулак и многозначительно посмотрел на Волдырёва.

«Круг замкнулся», – почему-то подумала Алевтина и подытожила:

– С конференцией разобрались. Теперь, Семён Ильич, давайте займёмся крышей.

В кабинет вошла секретарша:

– Алевтина Викторовна, там детей привели в школу записывать. Нужно, чтобы вы посмотрели.

– Спасибо, Мария, – поблагодарила Алевтина.

– А я что говорил! – хлопнул ладонями по коленям завхоз.

– Извините, Семён Ильич, давайте через час. Хорошо? – попросила Алевтина.

Завхоз опять покашлял в кулак и поднялся из-за стола. За ним последовали остальные.

– Коллеги, все вопросы в частном порядке. Спасибо, – поблагодарила замов Алевтина, тоже поднявшись со своего места.

Секретарша пригласила первых посетителей Алевтины. В кабинет вошла молодая узбечка с двумя детьми. Девочке было на вид лет двенадцать, мальчику – не больше семи. Они вежливо поздоровались, и Алевтина предложила им сесть.

– Слушаю вас, – обратилась она к матери.

– Детям школа учиться надо, – с застенчивой улыбкой сказала та, – первый класс.

– В первом классе? – с сомнением переспросила Алевтина, глядя на девочку.

– Да. Первый класс.

– А сколько им лет?

– Гульнара девять, – женщина показала на девочку, – Сафар восемь. Пора в школа.

– Что же вы так долго собирались? Ребенку уже целых девять лет!

– Из Узбекистан приехал недавно. Муж здесь на работа.

– А русский язык дети знают? – напряглась Алевтина.

– Плохо, – призналась мать, – в Узбекистан на узбекском говорим.

– Логично, – согласилась Алевтина. – Как же они будут учиться, если языка не знают?

– Учитель научит, – уверенно ответила мать.

Алевтина вышла из кабинета и попросила секретаршу позвать Кудрявчук.

– Уважаемая, – обратилась Кудрявчук к матери, – в нашей школе нет свободных мест. Все классы укомплектованы. Сходите в другую школу. Может, там ваших детей возьмут.

– Была в той школа. Сказали – иди сюда.

– Сходите в другие, – начала раздражаться Кудрявчук, – у нас их шесть.

– Эта, сказали, хороший школа.

– У нас все школы хорошие, – отрезала Кудрявчук.

– Я попрошу секретаря, чтобы она вам написала адреса этих школ, – предложила Алевтина.

Мать благодарно улыбнулась.

– Алевтина Викторовна, – появилась в дверях голова секретарши, – там ещё ребенка привели. Тоже иностранец.

Алевтина быстро вышла в коридор. Увидев мальчика с восточными чертами лица, она испуганно спросила у его матери:

– Сколько ему лет?

– Семь, – ответила та.

– По-русски говорит?

– Говорю, – ответил мальчик. – Я стихи знаю!

– Прочитай, – сказала Алевтина приказным тоном.

– Самуил Маршак. «Веселая азбука про все на свете», – с легким акцентом звонко объявил мальчик. – «Аист с нами прожил лето, а зимой гостил он где-то. Бегемот разинул рот: булки просит бегемот. Воробей про...»

– Молодец, достаточно! – облегчено выдохнула Алевтина и спохватилась: – Вот только мест у нас нет...

– Ну что вы, Алевтина Викторовна, для такого мальчика у нас всегда найдется местечко, – вмешалась подроспевшая Кудрявчук и обратилась к матери: – Идите оформляйте документы.

Из канцелярии вышла женщина с Гульнаррой и Сафаром, держа в руке листок с адресами школ. Она благодарно раскланялась Алевтине и, подталкивая впереди себя детей, направилась к выходу.

Алевтина укоризненно посмотрела на Кудрявчук.

– Не переживайте, Алевтина Викторовна! – успокоила её та. – Вы девочку видели? Её через три года замуж выдадут, а она будет у нас в начальной школе. Про русский язык я уже и не говорю. И вообще такие вопросы решают в Управлении. Сами знаете – если ребенок старше восьми лет, то в первый класс его берут по особому распоряжению.

– Всё равно, неудобно как-то получилось, – не успокаивалась Алевтина.

– Всё очень удобно, – не сдавалась Кудрявчук, – подумайте об учителе, который должен учить этих детей. У нас таких специалистов нет.

– А в других школах есть?

– В других есть, – уверенно ответила Кудрявчук.

– Мария, позовите, пожалуйста Семёна Ильича, – попросила Алевтина секретаршу, открывая дверь в свой кабинет.

– Он уехал за краской, – доложила секретарша.

– Не судьба, видно, мне сегодня с крышей познакомиться, – вздохнула Алевтина.

– Он вернется через полтора часа.

– Тогда ещё есть надежда, – улыбнулась Алевтина и пошла осваиваться на своем рабочем месте.

Не успела она разложить на столе документы, как зазвонил телефон.

Строгий мужской голос сказал:

– Ваша школа выбрана для проведения зональных командно-штабных учений. Через сорок минут заместитель директора по безопасности должен явиться в Отдел УВД на совещание.

– А его нет. Он в районе, – растерялась Алевтина.

– В случае отсутствия заместителя директора по безопасности на совещание должен явиться директор образовательного учреждения. Явка обязательна. С собой иметь паспорт.

Алевтина от неожиданности не сообразила спросить адрес, по которому ей нужно срочно явиться. На поиски его в интернете она потратила пять минут, еще пять минут она объясняла секретарше, куда она едет и что сказать завхозу. Уже на выходе из школы её перехватила Сидорова с вопросом, нужно ли заказывать воздушные шары на первое сентября и, если да, то где взять деньги. Принятие решения потребовало еще нескольких минут: шары, конечно, нужны, а деньги Алевтина пока даст свои.

В суете Алевтина забыла в кабинете мобильный телефон и ей пришлось вернуться. Когда она, наконец, вырвалась из школы, она вспомнила, что без машины – мать утром подвезла её и поехала по своим делам. На счастье, маршрутка подоспела быстро, но на следующей остановке водитель решил обсудить с коллегой из встречной машины результаты футбольного матча, прошедшего накануне, и они, перекрикиваясь через дорогу, эмоционально доказывали друг другу, какая из команд лучше. Спор грозил перерасти в ссору, но

старушка, сидевшая спиной к водителю в маршрутке Алевтины, вдруг сильно стукнула своей палкой по полу и на удивление звонким голосом приказала водителю:

– Двигай давай лопастями, фанат хренов!

Водитель встрепенулся и быстро нажал на газ. Алевтина, хотя и была несколько шокирована поведением старушки, мысленно ее поблагодарила.

Доехав, наконец, до своей остановки, Алевтина обнаружила, что КПП находится на противоположной стороне длинного светло-фиолетового забора. Преодолевая дистанцию, она невольно вспомнила, как в школьные годы бегала стометровки на городских соревнованиях.

– Вы кто? – спросил полковник, стоящий за трибуной, увидев вбежавшую в конференц-зал Алевтину.

– Директор школы.

Все присутствующие повернулись в её сторону. Среди людей в форме разных мастей Алевтина почувствовала себя неловко.

– У вас в Цветочной балке перевели время? – строго спросил полковник.

– Нет, – неуверенно ответила Алевтина и посмотрела на экран телефона.

– Вы опоздали на полчаса.

– Извините, – пролепетала она и уселась на предпоследний ряд.

– Продолжаем, – полковник лазерной указкой показал на

слайд с изображением школы, – итак, неизвестные лица в количестве десяти человек, осуществили захват заложников из числа педагогов и поместили их в кабинете на втором этаже.

– Мужчина, – Алевтина ногтем постучала по звёздочке на погоне майора, сидевшего перед ней, – что происходит? Я только что из школы – там все спокойно.

Майор вполоборота повернулся к Алевтине и как-то странно на неё посмотрел.

– Снайперы и группа захвата занимают свои позиции в соответствии с планом действий, – продолжал полковник.

– Мужчина, – Алевтина вновь постучала майора по звёздочке, – какие снайперы? Какая группа захвата?

Майор повернулся к Алевтине всем корпусом и прошептал:

– Не волнуйтесь. Это будет двадцать девятого августа.

– Что будет?

– То, о чём идет речь.

– Понятно... А как же конференция?

– Какая конференция? – удивился майор.

– Педагогическая.

– Я вижу, что директора школы мало интересует происходящее, – грозно призвал Алевтину к порядку полковник.

– Извините, но я очень волнуюсь – педагоги должны быть в это время на конференции, – набравшись смелости, громко сказала Алевтина.

– Одно другому не мешает, – ответил полковник, – ваши

педагоги обязательно будут на конференции.

– А снайперы? – не унималась Алевтина.

– Снайперы вряд ли. Товарищ майор, – обратился он к собеседнику Алевтины, – объясните директору школы суть данных штабных учений.

– Штабные учения проводятся на бумаге, понимаете? – вполголоса разъяснил майор. – Мы обсуждаем возможные варианты развития событий. Гипотетически.

– Слава богу! – обрадовалась Алевтина. – Гипотетически – это очень хорошо!

– Товарищ директор, – вновь обратился к Алевтине полковник, – вы должны завтра в десять ноль-ноль явиться в Штаб учений, имея при себе подробный план школы с указанием всех входов и выходов, чердачных и подвальных помещений, а также паспорт...

– У меня паспорт всегда с собой, – перебила полковника Алевтина.

– Паспорт безопасности школы, товарищ директор, весит не менее трёх килограммов, а в некоторых школах и все пять. Если директор школы, да еще столь хрупкий, способен постоянно носить с собой такой документ, то мы можем быть уверены в будущем нашего образования.

Зал зашёлся от крепкого мужского хохота.

– Вы можете быть свободны. Постарайтесь завтра не опаздывать, – сурово сказал полковник.

– Так точно. Разрешите идти? – по-армейски ответила

Алевтина.

В школу она вернулась около шести часов. Здание уже опустело, и Алевтина решила, что сейчас самое время заняться документами и, если приедет завхоз, крышей.

В дверь кабинета аккуратно постучали. Алевтина, еще не вкусившая всей прелести повелительного тона, сама пошла открывать дверь.

– Там это, – сказал почему-то очень тихо охранник Алексей Тихонович, – к вам пришли.

– Так это, – почти шёпотом ответила Алевтина, – пусть войдут.

– Идите, – обратился к кому-то охранник и вернулся на свой пост.

– Так вот кто теперь командует этой раритетной школой! – широко улыбаясь и почти восторженно поприветствовал Алевтину высокий худощавый человек. – Разрешите представится – Игорь Михайлович Горошин.

– Чем обязана столь позднему визиту?

– Вот умную женщину сразу видно и слышно! – восхитился гость. – Какое правильное слово – «обязана»! Именно обязаны, Алевтина Викторовна распрекрасная. Не вы лично, конечно, но школа в вашем лице очень нам обязана.

– Я что-то вас не понимаю, Игорь Михайлович. О чём идёт речь?

– Разрешите? – спросил Горошин, усаживаясь за стол. –

Видите ли, в чём дело, ваш предшественник, дай бог ему комфортной пенсии, уговорил нашу фирму, в моем лице, сделать для школы ограждение. Забор то есть. Вы, кстати, обратили внимание, какой красивый у вас забор?

Алевтина посмотрела в окно.

– Вполне приличный, – похвалила она.

– А вы, судя по всему, не склонны к излишней похвале, – заметил Горошин, – между кнутом и пряником, выбираете первое?

– Преждевременное заключение, – сдержанно ответила Алевтина. – Так в чем всё-таки дело?

– А дело в том, что забор-то мы поставили, а денег так и не получили.

– Что значит не получили?

– Вот так. У вас забор есть. А денег у нас нет. Не расплатился с нами ваш старший коллега.

– И какую сумму должна вам школа?

– Пустяшную, конечно, но, сами знаете – копейка рубль бережёт, да к тому же это дело принципа.

– У кого-то щи жидкие, а кому-то жемчуга мелкие, – пожала плечами Алевтина. – Так сколько?

– Всего-то четыреста пятьдесят тысяч.

– Сколько?! – Алевтина чуть не лишилась дара речи.

– Это для человека много, а для организации – копейки.

– Золотой забор, я вам скажу.

– Не преувеличивайте, Алевтина Викторовна, – посовето-

вал Горошин, – мы выполнили ещё ряд работ. Ну так что? Будем рассчитывать? Сразу оговорюсь, что времени у вас не так много. Мы все сроки простили. Бывший директор дал нам честное купеческое слово, что оплатит. Но, как говорится – всяк купец хозяин своего слова – хочет сдержит, хочет – откажется. А вы, как говорится, правопреемница. Понимаете, что сие означает?

– И сколько вы можете ещё подождать? – у Алевтины застучало в висках.

– Недельку. Мы же не звери, – добродушно улыбнулся Горошин, – понимаем, что вы человек новый. Вам время для разгона нужно.

– Спасибо за понимание, – выдавила Алевтина.

– Вот и отлично, – Горошин встал, – решайте, Алевтина Викторовна. Вопрос серьёзный. Приятно было познакомиться. И не говорите, что вам не очень. Вас понять можно. Вот моя визитка. Звоните, если что. До встречи. И не переживайте вы так. У вас всё получится!

– Спасибо за уверенность в моих силах, – мрачно пошутила Алевтина.

«Похоже, пани директорша, ты вляпалась», – пронеслось у неё в голове.

– Алевтина Викторовна, слава богу, вы здесь, – ворвался в кабинет завхоз, облачённый в прорезиненный полукомбинезон для рыбалки.

– А... Семён Ильич. Сейчас мы займемся крышей, –
немного отстраненно поприветствовала завхоза Алевтина.

– Крыша в данный момент не актуальна! – махнул рукой
завхоз. – В подвал канализация пошла! Мы по уши в город-
ском дерьме!

– В каком смысле?

– В прямом, Алевтина Викторовна! В самом что ни на есть
прямом!

– Что же нам делать? – запаниковала Алевтина, мгновен-
но позабыв о Горошине.

– Звоните в аварийку. Пусть срочно приезжают. А мы по-
пробуем пока своими силами выкрутиться.

Вызвав аварийную службу, Алевтина вскочила из-за стола
и собралась бежать за Зиновьевым, но тот, окинув её быст-
рым взглядом, скептически заметил:

– Вы в этом собираетесь лезть в подвал?

– Да..., – Алевтина растерянно осмотрела свой жёлтый
брючный костюм и белые туфли на высоком каблуке.

– Ладно, сойдет! Будете на подхвате!

Они побежали в подвал.

– Эх, всё пропало! – сокрушенно вздохнул завхоз, осветив
фонариком масштабы бедствия.

– Да... зрелище не очень, – согласилась Алевтина, – и за-
пах ужасный...

– Стойте здесь и светите мне. Пойду на разведку.

– Кем вас считать, если что? – попыталась шутить Алев-

тина.

– Беспартийный я, беспартийным и останусь, – пробурчал завхоз и осторожно начал спускаться по ступенькам. – Прибывает, сволочь! Посветите правее!

– Так нормально?

– Пойдёт! – одобрил завхоз. – Сбегайте наверх, посмотрите – аварийка, может, приехала.

– Как же вы один в темноте? – забеспокоилась Алевтина.

– Я темноты не боюсь. Идите!

Алевтина побежала наверх.

К счастью, аварийная бригада уже начала действовать.

Алевтина быстро вернулась в подвал.

– Семён Ильич! Они приехали!

– Я уже почувствовал – вода отступает, – ответил из темноты завхоз. – Свет включите!

Алевтина направила луч света на голос завхоза. Он стоял по колено в тёмной зловонной жидкости и грустно смотрел в угол.

– Семён Ильич, что с вами? – взволнованно крикнула Алевтина.

– Всё, что нажито непосильным трудом, – с горечью ответил завхоз. – Половина урожая такой картошки пропала!

– А что с другой половиной? – Алевтина ещё не поняла, что произошло.

– А вторая в поле... – отозвался завхоз, – ей больше повезло, чем этой... Не выдержала, бедная, такого количества

навоза... Шесть мешков! Ты подумай!

Завхоз направился к Алевтине.

– А чья это картошка? Школьная? – продолжила она допрос.

– Вы мне в глаза-то не светите, Алевтина Викторовна!

Алевтина направила луч света на угол, в который до этого грустно смотрел завхоз. Семён Ильич осторожно пробрался к ступенькам.

– Вы, честное слово, будто с луны свалились. Моя это картошка. Моя, – он огорченно вздохнул. – Ну да бог с ней. Принести мне ведро воды, пожалуйста. Сейчас вылезу на берег и смою с себя этот позор.

Алевтина неловко повернулась на каблуках, потеряв на секунду равновесие, уронила в зловонную суспензию мобильник и неловко осела на нижние ступеньки. Её красивый жёлтый наряд мгновенно окрасился в коричневый цвет.

– Алевтина Викторовна, что ж вы так? – испугался завхоз и бросился ей на помощь. – Пойдемте скорее наверх.

Выбравшись из подвала, завхоз окатил из шланга сначала Алевтину, затем себя, и повёл дрожащую от холода начальницу в школу. Переодевшись в чистую одежду, которая ждала в подсобке всякого подобного случая, он принёс Алевтине рабочий сатиновый халат тёмно-синего цвета и глубокие чёрные калоши. Пока Алевтина приводила себя в божеский вид, завхоз нагрел в чайнике воды.

– Вы, Алевтина Викторовна, молодец! Чувствуется внут-

рення сила, – похвалил он, наливая чай в большие кружки. – Горячего нужно выпить обязательно. Вам болеть нельзя. За вами школа.

В коридоре послышался шум, чьи-то громкие голоса заспорили и быстро затихли, сменившись на стук каблуков, который стремительно ворвался в кабинет завхоза.

– Алевтина, что с тобой? Во что ты одета? – с ужасом воскликнула Ирина Сергеевна, увидев Алевтину, похожую на подростка-беспризорника. – Ты не звонишь, телефон не отвечает. Мы с отцом все на нервах! Николай психует – не может дозвониться. Что ты делаешь?!

– Работаю, мама, директором, – устало ответила Алевтина.

Скелет в шкафу

Одноактная трагедия

Действующие лица:

Вика – вдова, 35 лет

Жора – странный тип, 35 лет

Просторная спальня с большой кроватью. Зеркало встроенного шкафа завешено чёрным покрывалом тканью. Жора шарит по тумбочкам, затем срывает с зеркала покрывало и бросает его на пол. За дверью слышится стук захлопнувшейся входной двери. Жора прячется в шкафу. В спальню входит Вика.

Вика (по телефону, опустошённо). Спасибо. Да. Нужно пережить. Справлюсь. Пока.

Вика устало садится на кровать, снимает сапоги, швыряет их на пол, ложится, сворачивается калачиком, плачет. Жора осторожно выходит из шкафа, направляется к двери, спотыкается о сапог. Вика резко садится на кровати.

Вика. Кто здесь?

Жора. Тихо! Не ори!

Вика. Вы кто?

Жора. Скажем, коллега твоего благоверного. Вот пришёл должок забрать.

Вика. Какой должок? Вы о чём?

Жора (*разочарованно*). Ты не в курсе... Понял. Думала, что твой муженёк честный ффраер.

Вика. Уходите! Вы ошиблись квартирой!

Жора. Нет, уважаемая Виктория, не ошибся. Не думал, что так рано с кладбища вернёшься, но, видно, судьба нам встретиться. Говори, где сейф?

Вика. Какой сейф?! Нет у нас никакого сейфа! Уходите! Я в полицию позвоню!

Жора. Имеешь право, но сперва подумай, а потом на кнопку жми. У твоего покойника рыло знаешь в каком пуху? На три перины хватит. Да ещё на подушки.

Вика. Какие подушки?

Жора. Такие. Говори – где сейф?

Вика. Не знаю я!

Жора. Окей. Тогда сиди и не дергайся, а я поищу.

Вика (*отстранённо*). Делайте, что хотите. Нет у нас ничего.

Жора скрылся в шкафу и начал простучивать стенки.

Жора (*из шкафа*). А говоришь, сейфа нет! Здесь красава! Открываем... Ап! Вот и должок!

Жора выходит из шкафа с толстой пачкой денег и бумажным пакетом.

Вика (*изумленно*). Что это?

Жора. Догадайся с двух нот. Ты думала, что жируешь на его зарплату?

Вика (*неуверенно*). Он много работал.

Жора. Не спорю. И на тебя хватало, и на другую бабу, и на пацана ихнего.

Вика (*беспомощно*). Какую бабу? Какого пацана?

Жора. Таак. И здесь не в теме. Ну, да о покойниках либо хорошо, либо никак. Пойду, пожалуй. А ты зеркало-то завесь.

Жора поднимает с пола чёрное покрывало, бросает его Вике и уходит. Вика укутывается в покрывало с головой и, раскачиваясь, воет.

Плохая примета

Банальная одноактная драма

Действующие лица:

Ольга – 45 лет

Артём – сын Ольги, студент, 20 лет

Эдик – бывший муж Ольги, 50 лет

Кухня городской квартиры. Артём режет хлеб. Ольга накрывает стол и нечаянно рассыпает соль.

Ольга. Ну надо же! (*стучит себя кулаком по лбу и искусственно смеётся*).

Артём. Мам, ты чего?

Ольга. Примета плохая.

Артём. Ерунда! А зачем по лбу стучала и смеялась по дурацки?

Ольга. Чтобы мы с тобой не поссорились. Нейтрализовала приметку.

Артём пожимает плечами, роняет нож.

Ольга. Кто-то придет. Какой-то большой мужчина.

Артём (*с иронией*). Мам, взрослый, умный человек, а веришь в такие глупости!

Звонок в дверь. Артем выходит, возвращается, молча садится за стол. Входит Эдик.

Ольга (*изумленно*). Эдик?!

Эдик (*притворно весело*). Не ждали? Как хорошо, что я вас обоих дома застал!

Артём (*зло*). Это я тебя застал с твоей аспиранткой.

Ольга. Артем, перестань. (*Эдику*) Какими судьбами?

Эдик. Вот, пришел с повинной. Не могу без вас, родные мои.

Артём. А мы без тебя прекрасно можем!

Ольга. Артем! (*Эдику*) Тебя выгнали что ли?

Эдик. Ну зачем так, Олюшка. Сам ушёл. Я же сказал, что люблю вас, не мыслю без вас...

Ольга. А когда уходил – мыслил?

Эдик. Ошибиться всякий может. Погнался за призраком. Простите. Плохо мне. Правда.

Ольга (*смягчившись*). Ужинать будешь?

Эдик (*обрадованно*). Не откажусь!

Артём резко встает, грохочет стулом, уходит. Эдик садится на его место.

Эдик (*с гордостью*). Повзрослел. Мужик.

Артём (*из прихожей*). Mam, я с ребятами в клуб. Заночую у Ленки.

Ольга (*выбегая*). Что значит – у Ленки?

Артём (*голос в прихожей*). У Ленки. У невесты. Завтра в ЗАГС пойдём.

Эдик накладывает себе салат и быстро ест. Хлопает входная дверь. Ольга возвращается.

Эдик (*жуя*). Что за Ленка?

Ольга (*растерянно*). Невеста... Вроде разговора такого не было... Второй курс только...

Эдик. Я тебе всегда говорил: балуешь ты его. Ничего, вместе мы быстро мозги вправим.

Ольга (*встрепенувшись*). Ты поел?

Эдик (*расслабленно откидывается на спинку стула*). Да, спасибо. Очень вкусно. Как я соскучился!

Ольга. На здоровье. (*Поднимается*) Пойдём.

Ольга выходит. Эдик встает из-за стола и, довольно улыбаясь, идет за Ольгой.

Ольга (*голос в прихожей*). Приглашение на свадьбу по почте пришлю. Если Артём захочет. Прощай.

Хлопает входная дверь. Ольга возвращается. Садится за стол. Высыпает из солонки соль, плачет.

Тёщин вечерок

Одноактная комедия

Действующие лица:

Гера – вор-домушник, 35 лет

Галина – мать хозяйки квартиры, 60 лет

Действие происходит в наши дни.

Гостиная в городской квартире. Входит Гера. Осматривается. Нюхает воздух. Идёт к книжному шкафу. Открывает ящик. Роемся в нём. Что-то кладет в карман. Берёт книгу, быстро её пролистывает и бросает на пол. Одновременно с падением книги из-за двери в другую комнату раздается шум пылесоса. Гера вздрагивает, быстро закрывает ящик, пинает книгу под стол и прячется за портьеру. Гул пылесоса нарастает. В гостиной появляется пылесос, потом Галина, она пылесосит вокруг стола и под столом. Пылесос упирается в книгу. Галина выключает пылесос и заглядывает под стол.

Галина (возмущённо). Уже и книги под столом! (Поднимает книгу, протирает её рукой, ставит на место). Вот же свинья. А еще культурным себя считает!

Включает пылесос, продолжает пылесосить, подходит к окну. Пылесос упирается в ботинок Геры.

Галина *(выключает пылесос).* И обувь по всей квартире! *(вздыхает.)* Бедная моя девочка... Говорила ей – выходи за Михаила. И руки золотые, и аккуратист. Не то, что этот. *(Наклоняется, берётся за ботинок, безуспешно пытается его поднять).* Толку, что кандидат наук. *(Приподнимает портьеру. Видит Геру).*

Галина *(испуганно).* Вы кто?! Что вы здесь делаете?!

Гера *(спокойно, идёт на Галину).* Тихо, бабуля, не кипешуй. Встречный вопрос: что ты здесь делаешь в рабочий полдень?

Галина пятится и упирается спиной в книжный шкаф.

Галина *(растерянно).* Дочке пришла помочь, порядок навести.

Гера *(строго).* Она у тебя немощная что ли? Сама не может прибраться?

Галина *(виновато).* Работа у неё. И муж...

Гера *(строго).* Не любишь? *(садится за стол, разваливается на стуле и жестом велит Галине тоже сесть)*

Галина. Кого?

Гера. Зятя.

Галина *(неуверенно).* Люблю... *(садится напротив Геры)*

Гера. Слышал я, как ты его хряком назвала.

Галина *(удивлённо).* Я его хряком не называла... *(Гера выразительно на неё смотрит).* Свиньей, разве что...

Гера (*сердито*). Это еще хуже. Хряк – он мужик, а ты зятя за бабу что ли держишь?

Галина. Что вы? (*машет руками*) За мужика, за мужика!

Гера. Все вы – тёщи – на один лад. Лишь бы у зятя крови попить.

Галина. Что Вы! Я очень довольна своим зятем!

Гера (*усмехается*). Слышал я про Михаила-то. Аккуратиста.

Галина. Да это я так – с горяча! Мой зять гораздо лучше этого Михаила!

Гера (*задумчиво*). Мне тёща тоже все мозги выела.

Галина. Я не выела. Я зятя очень ценю. Он умный и порядочный почти...

Гера. Вот и моя – стерва – довела Ленку до развода.

Галина. Никаких разводов! Я категорически против!

Гера. Это тебе плюс, если не врёшь, конечно.

Галина. Зуб даю! (*щёлкает ногтем большого пальца по зубам*).

Гера. Ты зубами своими не разбрасывайся. На «Корегу» не напасёшься.

Галина (*извиняющимся тоном*). Это я в кино видела.

Молчание. Гера задумчиво постукивает пальцами по столу.

Галина (*сочувственно*). Жена бросила вас?

Гера (*вздыхает*). Сбиралась. Братва помогла брак сохранить. Объяснили тёще моей популярно. Она и упокои-

лась.

Галина (*с ужасом*). Её убили?

Гера. Кто?

Галина. Ваши братья.

Гера (*удивленно*). Почему убили? Говорю же – спокойнее стала. Что не понятно?

Галина (*облегченно вздыхая*). Слава, богу! А то я подумала...

Гера (*глубокомысленно*). Если б тёщи меньше думали, может, счастья на земле больше было...

Галина. Извините, как вас по имени?

Гера. На что тебе? Всё вы, тёщи, норовите в любую щель пролезть.

Галина. Вы не обобщайте... Просто так удобнее разговаривать. Но, если не хотите называть свое имя, то и не надо. Меня Галина Петровна зовут. Можно просто Галина.

Гера. Буду звать тебя тёщей. Мне так удобнее. Будто свою вижу... Иной раз так и тянет высказать всё, что накипело. Да Ленку жалко.

Галина. Вот и мне дочку жалко. Как я вас понимаю.

Гера. Ты вот скажи, чего вам тёщам нейметя? Я для Ленки всё: зарабатываю хорошо (*показывает руками на гостиную*), одета, обута, отдых два раза в год олинклюзив. Не пью – мне на работе рука твёрдая нужна. А тёща: то не так, это не так.

Галина. А мой зять, представляете, ни разу Риточку даже

в Турцию не свозил. То диссертацию писал, то защищал, то отмечал.

Гера. Пьющий?

Галина. Да нет. Но иногда думаю – лучше бы выпивал.

Гера. Ты это брось! стакан – последнее дело.

Галина. Да я понимаю. Но он как начнёт свою теорию излагать, сил слушать нет. Представляете – нас перед телевизором усаживает и начинает слайды показывать. Схемы какие-то, формулы.

Гера. Умный, значит.

Галина. Умный. Но я-то ничего не понимаю в этих слайдах!

Гера. А ты учись. Вникай. Я вот когда (*умолкает*) ... так все книжки в библиотеке перечитал.

Галина (*с интересом*). У вас хорошая домашняя библиотека?

Гера. В ... лагере ... спортивном ... была.

Галина. Так вы спортсмен?

Гера. Что-то вроде того.

Галина. Надо же! А мой зять даже физкультуру не уважает. Зато любит дурацкие анекдоты рассказывать. Про тещ.

Гера. При тебе?

Галина. Да. Представляете? На той неделе, например, рассказал. Весь не помню – у меня память на анекдоты плохая – а конец безобразный и совсем не смешной: «нашёл для тещи место у Кремлёвской стены, но ложиться ей нужно зав-

тра». Ну что это такое!

Гера. Это не по понятиям – прямо в глаза теще такие анекдоты рассказывать. Я только за спиной. С пацанами поржём, конечно, но, чтобы ей рассказывать – ни-ни.

Галина. Какой вы тонкий человек. А мой ... я даже не знаю, как реагировать. Молчу.

Гера. И молодец, что молчишь. Ты лучше к нему подход найди. Хвали. Поощряй. Благодарю, даже если мелочь какая. Формулы подучи и парочку анекдотов. Если бы моя теща так делала, да я бы за неё...

Галина. Думаете, он откликнется?

Гера. Сто пудов!

Галина. Жалко, что мы с вами раньше не встретились. Вы бы таким хорошим зятем были. И мужем для Риточки.

Гера. Не судьба, значит. Да я в общем-то Ленку свою люблю. С девятого класса.

Молчание

Галина. А давайте мы чаю попьём. Я блинов напекла. Масленица как ни как. Сегодня как раз тещин вечерок. Вот мы с вами его и отметим.

Гера. Блины – это хорошо. Я их сразу почувял, как только вошёл. Эх, все-таки повезло твоему зятю! (*озабоченно смотрит на часы*) Однако времени у меня в обрез. В другой раз.

Галина. Другого раза может и не быть. (*осеклась*) Сами понимаете – возраст. А знаете, что – давайте я вам блинов с собой заверну, а вы вечерком отправляйтесь с ними к сво-

ей теще. Как в старые добрые времена, когда зять к теще в пятницу с блинами приходил. Поговорите с ней по-доброму, ласково. Много ли нам надо. Глядишь, и сладится у вас.

Гера (*обрадованно*). Вот это ты хорошо придумала, теща! Молоток! В супермаркет по дороге заскочу – икры куплю. Она это дело уважает.

Галина. Прекрасная идея!

Галина уходит. Гера оглядывает гостиную. Что-то достаёт из кармана и кладет на стол. Галина возвращается с бумажным пакетом в одной руке и банкой варенья в другой, вручает Гере пакет. Гера берет его, приоткрывает и принюхивается.

Гера. Запах обалденный! Спасибо, теща!

Галина (*вручает Гере банку варенья*). А это от меня Лёночке передайте.

Гера уходит. Галина протирает стол и замечает свои золотые часы.

Надевает часы на руку. Любуется ими. Включает пылесос.